

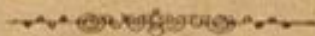
И. А. Флоренскій.

М. Т. Суворовъ.

3/9

СОБРАНИЕ ЧАСТУШЕКЪ

Костромской губерніи Нерехтскаго уѣзда.

ИЗДАНИЕ

Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссін.

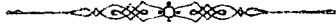
КОСТРОМА.

Губернская Типографія.

1910.

П. А. Флоренскій.

СОБРАНИЕ ЧАСТУШЕКЪ
Костромской губерніи,
НЕРЕХТСКАГО УЪЗДА.

КОСТРОМА.
Губернская Типографія.
1909.

Нѣсколько замѣчаній къ собранію частушекъ Костромской губерніи Нерехтскаго уѣзда.

Ученые труды, имѣющіе своимъ предметомъ народную жизнь, чаще всего бываютъ одного изъ двухъ типовъ: или, это—болѣе или менѣе обширные трактаты, даже цѣлые курсы, съ высоты птичьяго полета обзрѣвающіе общія очертанія народной жизни и потому дающія свѣдѣнія уже суммированными. Или же, это—отдѣльные замѣтки объ отдѣльныхъ явленіяхъ народной жизни въ той или иной мѣстности.

Если труды перваго типа имѣютъ склонность къ чрезмѣрнымъ и, потому, преждевременнымъ обобщеніямъ, то труды втораго типа грѣшатъ обычно разрозненностью и обрывочностью сообщаемаго матеріала, вырваннаго изъ общаго контекста жизни. Если первые, такъ сказать, уже передуманы, такъ что въ нихъ умерщвлена конкретность жизни, то вторые еще не додуманы, и ихъ содержаніе является случайнымъ, нерасчлененнымъ въ мѣстахъ важныхъ, загроможденнымъ отъ докучнаго хлама. Если въ первыхъ форма насилуетъ содержаніе, то во вторыхъ содержаніе оказывается вовсе безформеннымъ.

Однако, есть средній, царскій путь, минующій какъ сциллу фантастическихъ обобщеній, такъ и харибду бессмысленныхъ фактовъ. Это, именно, путь монографическаго изученія народной жизни. На этомъ пути ставится задача понять процессы народной жизни изъ самой жизни, а не изъ внѣшнихъ для нихъ иностранныхъ явленій, равно какъ и не простое констатированіе единичныхъ случаевъ. Прочестъ жизненное явленіе въ контекстѣ жизни понять его смыслъ и его значеніе для жизни не изъ общихъ положеній науки, которыя и сами нуждаются въ повѣркѣ, и не въ свѣтѣ субъективныхъ толкованій, а изъ самой жизни—вотъ задача монографическаго изученія быта. Но для этого необходимо изучить тотъ или другой уголокъ жизни, болѣе или менѣе типичный,—изучить проникновенно, до тончайшихъ сплетеній жизненной ткани, и,—притомъ—, всесторонне. Эта микрологія народной жизни, хотя и имѣетъ уже своихъ работниковъ, однако, въ общемъ, является доселѣ скорѣе требованіемъ науки, задачею, нежели данностью и готовымъ рѣшеніемъ.

Однако, ёсть причины торопиться съ изученіемъ нашего быта. Желѣзныя дороги, фабрики, техничскія усовершенствованія, освободительныя идеи и газетчина—эти факторы являются гнилостными микроорганизмами, все ускореніе разлагающими быть. Возможно, что лѣтъ черезъ 10--15 не останется и слѣда отъ многихъ изъ безцѣнныхъ сокровищъ фольклора, которыми владѣетъ наша Родина. Пока можно еще, пока ёсть время, надо сохранить, что успѣемъ.

Руководствуясь только-что изложенными мыслями, втеченіе болѣе четырехъ лѣтъ (съ 1904 г. по 1909 г.) я старался, насколько могъ тщательно, взглянуть въ небольшой уголокъ Костромской губерніи Нерехтскаго уѣзда,—уголокъ, который можно опредѣлить приблизительно какъ область внутри окружности, описанной радіусомъ около 10-ти верстъ изъ села Толпыгина, Новинской волости. Радіусъ этой окружности при изслѣдованіи разныхъ явленій нѣсколько мѣнялся; а именно, онъ брался болѣе значительнымъ при собираніи пѣсенъ и т. д. и менѣе значительнымъ при изученіи особенностей діалекта. Причины, почему мною было избрано опорнымъ пунктомъ именно село Толпыгино, были по преимуществу житейскія; но теперь, обозрѣвая собранные матеріалы, я усматриваю заднимъ числомъ, что судьба поставила меня въ весьма благопріятныя условія,—о чемъ рѣчь будетъ вполслѣдствіи.

Хотя ни собираніе, ни обработка матеріала далеко еще не закончены, однако его накопилось уже довольно для печатанія по частямъ. Отлагая общіе выводы свои до обнародованія самаго матеріала, я укажу, уже теперь, на одну изъ теоретическихъ задачъ, которыя могли бы быть рѣшены рядомъ работъ, подобныхъ моей. Вотъ, что имѣется въ виду: съ точки зрѣнія лингвистики и фольклора Костромская губернія—одна изъ наиболѣе сложныхъ и интересныхъ губерній нашей Родины. Столкновеніе различныхъ народностей и различныхъ колонизаціонныхъ потоковъ произвело здѣсь не только своеобразный укладъ жизни и характера, но и удивительную этническо-лингвистическую неоднородность населенія. Губернія эта мозаична, и отдѣльные, хотя бы и смежныя, куски этой мозаики часто весьма существенно разнятся между собою: переходъ отъ одной

мѣстности къ другой, близъ-лежащей, иногда влечетъ за собою замѣтную прерывность этнической структуры населенія.

Какъ же понимать эти лингвистическія и бытовыя гнѣзда?— Или, — какъ остатки неполниѣ растворившихся въ общей массѣ разныхъ колонизаціонныхъ потоковъ, или же, — какъ вывѣтрившіяся области финскихъ и иныхъ не-славянскихъ племенъ, смѣшавшихся съ племенами славянскими и завѣщавшихъ имъ свой этнической привкусъ. Возможно, что въ разныхъ мѣстностяхъ причины разнообразія то — перваго типа, то — втораго. Но, такъ или иначе, однако тщательное изученіе отдельныхъ мѣстностей позволитъ впоследствии произвести на картѣ Костромской губерніи рядъ линій, опредѣляющихъ собою территориальныя границы той или иной особенности, — быта, лексики и діалектологіи языка. Это будутъ, такъ сказать, изо-этническія, изо-діалектическія, изо-бытовыя кривыя. Области распространенія извѣстнаго мѣстнаго слова, извѣстной особенности въ произношеніи, или той или иной побаски, имѣющей въ основѣ своей нѣкоторое своеобразное религіозно-общественное явленіе, — эти области въ иныхъ случаяхъ, быть можетъ, позволятъ возстановить древнюю этнографическую карту Костромского края. Нѣтъ, конечно, надобности доказывать важность подобныхъ изысканій для изученія всевозможныхъ миграціонныхъ процессовъ.

Печатаніе собраннаго матеріала я начинаю съ частушекъ. Предлагаемыя читателю частушки записаны исключительно во второй половинѣ 1908-го года, при чемъ, насколько можно, примѣнялся фонетическій методъ „по звонамъ“. Къ сожалѣнію, однако, тонкія особенности произношенія остались опущенными, вслѣдствіе недостаточности средствъ графики: тутъ нуженъ бы фонографъ, а не перо. Что же касается до обычныхъ приемовъ транскрипціи, то они слишкомъ громоздки.

При этомъ я старался сохранять индивидуальныя особенности произношенія, — не приводилъ записей къ одному знаменателю. Вѣдь грамматика — для языка, а не языкъ — для грамматики. Ошибки, отступленія отъ обще-принятаго нисколько не менѣе поучительны, нежели явленія обычныя. Это — проявленіе жизни языка; а въ терато-

логии и патологии языка дается орудіе къ пониманію его нормальной анатоміи и физиологіи.

Главное, за чѣмъ наблюдалось при собираніи,—это отнюдь не отходить далеко отъ центра изучаемой области,—отъ села Толпыгина. Кромѣ самаго Толпыгина запись производилась въ селахъ Яковлевскомъ и Медвѣдковѣ; какъ села фабричныя, они даютъ свѣдѣнія, можно сказать, о всей ближайшей округѣ.

Часть приводимаго матеріала занесена мною лично, другая же, ббльшая,—моими сотрудниками по работѣ. Таковыми были: семейство Толпыгинскаго священника о. Симеона Троицкаго, крестьянинъ того же села А. К. Хрѣновъ и студентъ Московской Духовной Академіи В. А. Ильинскій. Считаю пріятною обязанностью засвидѣтельствовать имъ свою глубокую благодарность за помощь, безъ которой настоящая работа едва ли смогла бы появиться на свѣтъ.

Матеріаль, печатаемый въ настоящей работѣ, состоитъ изъ частушекъ. Подъ частушками или частыми пѣснями въ широкомъ смыслѣ разумѣется вообще особый родъ народной пѣсни, характеризуемой болѣе или менѣе быстрымъ, учащеннымъ темпомъ исполненія и подвижностью мелодіи („частое пѣніе“), что весьма подходит къ звукамъ сопровождающей ихъ гармоникѣ („гармонь“, „гармошка“, „тальянка“ и „тальяночка“, т. е. италіанская гармоника, а также „дву-рядка“, „дву-рядочка“). Въ болѣе узкомъ смыслѣ подъ частушкой разумѣется наиболѣе распространенный и, главное, наиболѣе опредѣленный по своему сложенію видъ частого пѣнія, такъ—называемое играніе лѣндыха, откуда происходитъ названіе лѣндыховая частушка. Лѣндыховыми частушками въ настоящемъ собраніи являются №№ 1—727 и №№ 793—866.

Другой, тоже весьма опредѣленный, видъ частого пѣнія это—частушка хороводная. Хороводными частушками въ настоящемъ собраніи являются №№ 893—968.

Хороводными же частушками называются частыя пѣсни, по содержанію напоминающія собственно-хороводныя, но разныя отъ послѣднихъ неопредѣленностью формы. Эти частушки перемѣшаны съ собственно-хороводными.

Четвертымъ видомъ частіхъ пѣсенъ является частушка ходовая или плясовая, называемая также веселою. Таковы №№ 867—872. Эта частушка поется „въ подпляску“, т. е. служить вмѣсто музыки при пляскѣ. Къ ней же примыкаетъ и пятый видъ частушекъ,—это именно „выкрички“ на свадьбишной и иной пляскѣ, а также и въ паузахъ между ландюховыми частушками. Таковы №№ 873—892. Наконецъ, довольно далеко отъ выше-перечисленныхъ видовъ стоитъ частушка рекрутская. Частушки рекрутскія помѣщены у насъ подъ №№ 728—792. Можно было бы указать еще одинъ видъ частушки, по формѣ весьма близко примыкающей къ ландюховой. Это, именно,—частушка похабная. Но, къ крайнему сожалѣнію, по внѣшнимъ причинамъ не приходится печатать образцовъ этой поэзіи, весьма живо напоминающей эпиграммы Марціала.

Что же такое частушка въ существѣ своемъ? Есть ли это эпоха пѣсни или родъ пѣсни? Другими словами, есть ли частушка лишь современная пѣсня, соответствующая разлагающемуся быту,—распадъ народной пѣсни, или же она—одинъ изъ родовъ пѣсни, сосуществующій и сосуществовавшій другимъ родамъ?—Большинство изслѣдователей, даже не задумываясь надъ возможностью подобнаго вопроса, рѣшительно видятъ въ частушкѣ уродливаго эпигона народной пѣсни. „Жива ли народная пѣсня?“, „Новые народные стишки“, „Новое время—новыя пѣсни“, „Новыя вѣянія въ народной поэзіи“, „Заводская поэзія“, „Извращеніе народнаго творчества“—вотъ заголовки нѣкоторыхъ изслѣдованій, выразительно указывающія, какого взгляда держатся ихъ авторы на занимающій насъ предметъ *). Видѣть

*) Полагаю, что читателю, быть можетъ, не покажется бесполезной приводимая ниже (хотя далеко не исчерпывающая) литература о частушкѣ:

- 1°, Д. Зеленинъ, Пѣсни деревенской молодежи. Вятка, 1903. (Тутъ же, на стр. 3, приведена прежняя литература).
- 2°, Д. Зеленинъ, Сборникъ частушекъ Новгородской губерніи. (По матеріаламъ изъ бумагъ В. А. Воскресенскаго). („Этнографическое Обозрѣніе“, годъ 17-й, кн. LXV—LXVI, 1905, № 2 и 3, стр. 164—230).
- 3°, Д. Зеленинъ, Новыя вѣянія въ народной поэзіи. О частушкахъ Вятской губерніи. („Вѣстникъ Воспитаній“ 1901, № 8 ноябрь).
- 4°, Д. Зеленинъ, Черты современнаго народнаго быта по частушкамъ („Русскія Вѣдомости“, 1903, № 8).
- 5°, Д. Зеленинъ, Поэзія „казенныхъ дѣтей“ („Волховскій Листокъ“, 1904, № 266: пѣсни-частушки питомцевъ Воспитательнаго Дома по рукопис-

въ частушкѣ новѣйшую формацію народной пѣсни, отражающую именно умноженіе фабрикъ и заводовъ, сдѣлалось едва ли не общимъ мѣстомъ. Однако, я рѣшительно не признаю этого общаго мѣста. Въ частушкѣ должно видѣть просто особый родъ пѣсни, въ своемъ возникновеніи никакъ не связанной съ разложеніемъ быта и существовавшей издревле. Мало того, можно полагать, что частушечная форма не только сосуществовала прочимъ въ древности, но,—и это весьма вѣроятно,— даже имъ предшествовала.

На древность частушки указываетъ прежде всего прямая извѣстность старинныхъ частушекъ, встрѣчающихся напримѣръ на лубочныхъ картинахъ.

Затѣмъ, на первобытность частушки указываетъ общность частушечной формы у самыхъ различныхъ народовъ. Кажется, нѣтъ народа, у котораго не было бы найдено частушки. Но любопытно то, что даже у народовъ полу-дикихъ и дикихъ имѣются типичнѣйшія частушки.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, чтобы читатель могъ самъ убѣдиться въ универсальности частушечной формы пѣсни *).

Вотъ образецъ баттакскихъ стихотвореній (Ява), собранныхъ Г. Г. Мейеромъ:

Ulah sok hajang ka gula,
Tatjan bisa nanggur kawung,
Ulah sok hajank ka gula,
Tatja bisa nanun sarung,

ному сборнику В. И. Степанова, часть котораго напечатана въ „Этнограф. Обзор.“, а часть остается въ рукописи).

- 6°, Е. Линева, Жива ли народная пѣсня? („Русскія Вѣдомости“, 1903, № 31).
7°, Григ. Бѣлорѣцкій, Заводская поэзія („Русское Богатство“, 1902, № 12, стр. 38—50).
8°, И. Соколовъ, Деревенская молодежь въ ея пѣсняхъ—„частушкахъ“ („Биржевыя Вѣдомости“, 1903, №№ 379, 391, 403).
9°, В. И. Степановъ, Деревенскія посидѣлки и современные народныя пѣсни-частушки („Этнографическое Обзорѣніе“, 1903, IV, стр. 69—98).
10°, Штакельбергъ, Новое время—новыя пѣсни. О частушкахъ Новгородской губерніи, („Россія“, 1901, № 916).
11°, Гл. И. Успенскій, Новые народныя стишки („Собраніе сочиненій“, изд. Павликова, Т. 3, стр. 650—662).
12°, Д. Марковъ, Частушки, собранныя въ Веллужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи. Казань, 1907 (изъ „Извѣстій общества арх., ист. и этногр.“, Т. 23).
- *) Генрихъ Шурицъ, Исторія первобытной культуры, перев. проф. И. И. Смирнова, СПб. (1908) стр. 535—537.

т. е.: „Не требуй сахару, если не можешь срубить сахарной пальмы; не требуй меня, если не можешь соткать сорочки“.

По своему сложенію аналогичны этому и китайскія пѣсни шикингъ, и малайскія пантуны. Послѣднія представляютъ собою рифмованныя четырех-строчныя строфы, въ которыхъ господствуетъ довольно своеобразный параллелизмъ: въ первыхъ двухъ описывается какое-нибудь явленіе природы, а двѣ послѣднія выражаютъ извѣстнаго рода мысль, сентенцію; но для европейца часто крайне затруднительно усвоить себѣ связь между обоими представленіями,—проникающей всю первобытную поэзію субъективизмъ выступаетъ въ пантунахъ съ особой ясностью“. Вотъ образцы этихъ пантуновъ:

Memuti umbak di rantau Kataun
Patang dan pagi tida berkala.
Memuti bunga de dalam kebun,
Sa tangkei saja iang menggila,

т. е.: „Бѣлы волны на побережьѣ Катафи, день и ночь онѣ бушуютъ непрерывно; много бѣлыхъ цвѣтовъ въ саду; но по одномъ только я схожу съ ума отъ любви“.

Или:

Ager dalam bertambah dalam
Ujan di ulu bulum lagi tedoh;
Hati dendam bertambah dendam,
Dendam daulu bulum lagi sunboh.

т. е.: „Глубокія воды стали еще глубже и дождь все льетъ на холмѣ; страстныя желанія моего сердца усилились, но до сихъ поръ еще не сбылись надежды его“.

Или:

Jeka sungguh bulan pernama,
Mengapa tiada di parar bintantg.
Jeka sungguh tuan bijaksana,
Mengapa tiada dapat di tintang,

т. е.: „Если дѣйствительно настало полнолуніе, отчего луна не свѣтитъ среди неба? Если ты правдивъ и вѣренъ, почему нельзя мнѣ пови-
даться съ тобой?“

Тутъ читатель, вѣроятно, вспоминаетъ японскую танку. Въ самомъ дѣлѣ, что такое—эта танка, какъ не усовершенствованная ча-

стушка, вышедшая изъ у та га ки, т. е. изъ хоровода пѣсенъ (ср. нашу хороводную частушку) и распространившаяся по всей толщѣ японскаго народа. Вотъ нѣсколько образцовъ та н ки крупныхъ японскихъ поэтовъ, которые я привожу въ переводѣ Гр. А. Рачинскаго:

Встрѣтились съ ней мы
впервые, какъ осенью
падали листья;
снова сухіе летятъ,
И ужъ въ могилѣ она.

(Хитамаро).

Если бы все лѣто
цвѣли на горахъ нашихъ
нѣжныя вишни,
врядъ ли такъ крѣпко бы мы
эти любили цвѣты.

(Акахито).

Страстью сгорая,
тебя поджидаю я...
Ты ли идешь тамъ?
Нѣтъ, то лишь вѣтра порывъ
рветъ занавѣску мою.

(Принцесса Нукада).

Утромъ осеннимъ
росой отягченныя
клонятся травы;
больше о дальней тебѣ
пролилъ ночами я слезъ.

(Нарихира).

Если бы бѣлыхъ
цвѣтовъ не такъ сладокъ былъ
запахъ пьянящій,
кто бъ ихъ рѣшился сорвать,
кто бъ ихъ не принялъ за снѣгъ?!

(Цураюки).

Горько я плакалъ,
и мокры отъ слезъ моихъ
складки одежды...
Спросять: „Что это съ тобой“?
„Дождикъ весенній“—скажу.
(Анонимъ).

Если бъ зачли мнѣ,
по службѣ чиновной,
всѣ муки любви:
пятый бы классъ получивъ,
я бы совѣтникомъ былъ!
(Анонимъ).

Чтобы, наконецъ, познакомить читателя съ частушкою европей-
скихъ культурныхъ народовъ, приведемъ нѣсколько народныхъ испан-
скихъ *soleares* (трех-стишія) и *copulas* (четырёх-стишія) въ
переводѣ, правда, нѣсколько олитературенномъ, К. Бальмонта.

Слово пѣсни—капля меда,
что пролилась черезъ край
переполненнаго сердца.

Та, кого люблю я сердцемъ,
точно бѣлая гвоздика,
что раскрылась поутру.

Хоть слезами оросили
мы твою любовь съ моею,—
не взрости ей, не расцвѣсть.

Какъ мнѣ быть съ тобой, не знаю,—
ты, какъ Кадиксъ, за стѣною,
подступиться не могу.

Отъ тоски я умираю,—
ты еще живешь на свѣтѣ,
ты, умершій для меня.

Какъ жемчужины-признанья:
чуть жемчужина сорвется,
за одной—другая, третья,
ожерелье распадется.

Камень, тронь его огнивомъ,
 брызжетъ слезы изъ огня.
 Это камень! Что же будетъ,
 съ сердцемъ, съ сердцемъ у меня!

Луна заскучала о солнцѣ
 за три часа до разсвѣта.
 Такъ о тебѣ я скучаю,
 жизнь и блаженство мое.

Мать, что тебя породила,
 ранняя роза была.
 Она лепестокъ обронила,
 когда тебя родила.

Подобныхъ примѣровъ частушки можно было бы приводить сколько угодно. Но т. к. я пишу не изслѣдованіе о частушкѣ, а лишь предисловіе къ собранію костромскихъ частушекъ и, притомъ, опредѣленной области, то достаточно и приведенныхъ образцовъ. Полагаю, что уже и ими доказано, что форма, столь распространенная по всему міру, не можетъ связываться у насъ въ Россіи съ условіями столь своеобразными, какъ разложеніе быта и фабричная работа. Но это сдѣлается еще болѣе яснымъ, если мы вникнемъ, что, собственно, представляетъ собою частушка. При этомъ, для сохраненія мѣста, я буду сейчасъ имѣть въ виду исключительно частушку л а н д ю х о в у ю.

Если отвлечься отъ сравнительно—небольшого числа частушекъ на общественныя темы, то можно сказать, что ландюховая частушка есть народная лирика и, притомъ, лирика эротическая. Но эротика, которую высказываютъ предъ всѣми, да еще среди веселящихся товарищей и подругъ, не есть, вообще говоря, эротика самой глубины души. Это—чувство болѣе или менѣе поверхностное,—не столько страсть, сколько забава.

Да если бы и впрямь сердце сгорало отъ страсти и муки, то влюбленный постарался бы на-людяхъ принять видъ легкомысленный. Тонъ шутки, болѣе или менѣе замѣтной, весьма часто покрываетъ частушечную эротику.

Эта двойственность частушки, это шутовское въ глубокомъ и глу-

бокое въ шутливомъ придають частушкѣ дразнящую и задорную прелесть, постоянно напоминающую Гейневскую Музу. Какъ и у Гейне, въ глубинѣ частушки порою нетрудно разглядѣть слезы и боль разбитаго сердца; однако, какъ у Поэта, такъ и у народа эти слезы и эта боль показаны болѣе легкими, нежели онѣ суть на дѣлѣ.

Изъ сказаннаго о содержаніи частушки вытекаетъ и соображеніе о формѣ ея. Частушка какъ бы выкидываетъ, какъ бы мгновенно выбрасываетъ изъ челоуѣка чувство его. Это—не только лирика, — вообще выражающая настоящее, — но именно и по преимуществу лирика мгновенія. Будучи импрессионистской лирикой по существу, частушка необходимо получаетъ форму небольшого, замкнутаго въ себѣ, болѣе или менѣе изящно-сложеннаго цѣлаго. Четверостишіе частушки самодовлѣюще; его нельзя продолжить, его нельзя сократить. Частушка закончена въ себѣ и опредѣленна нисколько не менѣе, нежели сонетъ или газель или японская танка.

Вслѣдствіе этой законченности она скорѣе изящна, нежели глубокомысленна. Отсюда-то и вытекаетъ размѣръ ея, — подвижный, пикантный и какъ бы подпрыгивающій (—тутъ опять вспоминается Гейне); умѣстно было бы назвать размѣръ частушки кокетливымъ и дразнящимъ.

Художественная законченность частушки обусловлена ея параллелизмомъ. Нормально-сложенная частушка дѣлится на двѣ части, каждая по два стиха, изъ которыхъ первая содержитъ въ себѣ тотъ или иной образъ, взятый по большей части изъ жизни природы, а вторая — раскрытіе его смысла примѣнительно къ данному настроенію мгновенія. Но параллелизмъ образа и его раскрытія не всегда прозраченъ сразу. Это объясняется, однако, (—исключая случаи просто не у да ч н ы х ъ образовъ—) не столько субъективностью сопоставленія, сколько его глубиною. Такъ, перѣдки въ частушкахъ намеки на значеніе той или иной примѣты, того или иного гаданія (на картахъ, съ кольцомъ), или же пользованіе народной и даже международной символикой. Такъ, если встрѣчается упоминаніе о я год а х ѣ („ѣсть рябину“, „ломать рябину“, „рвать виноградъ“, „сорвать вишеньку“), то этотъ символъ, внѣ всякаго сомнѣнія, означаетъ любовное соединеніе. Если говорится, что та или иная ягода — зеленá,

то это означает половую незрѣлость. Пить чай—удачная любовь, пить воду—неудачная. Сорвать цвѣтокъ—выдать замужъ. Бусы, въ особенности бѣлые (какъ жемчугъ),—символь горя. И т. д. Символика частушки—приблизительно та же, что и символика пѣсни, и потому я считаю возможнымъ ограничиться здѣсь простымъ указаніемъ на этотъ, достаточно разработанный, отдѣлъ словесной науки. Попытку же систематизировать частушечные символы читатель можетъ найти въ выше-указанной работѣ Д. Зеленина „Сборникъ новгородскихъ частушекъ“ („Этн. Обзор.“ годъ 17, кн. LXV—LXVI, стр. 167—169). Пояснимъ на одномъ примѣрѣ значительность и тонкость частушечнаго параллелизма. Положимъ, говорится:

У милѡва черны брови,—
черны какъ у ворона:
ожидай, мой ненаглядный,
разставанья скорова.

Брови „милѡва“ сравниваются съ бровями ворона. Брови милова напоминаютъ дѣвушкѣ ворона. Воронъ же—птица зловѣщая,—неблагоприятное знаменіе. Отсюда рождается предчувствіе близкаго несчастья,—разставанья. Возможно, что въ частушкѣ есть намекъ и на причину разставанья. Вѣдь черныя брови—признакъ красоты; черноброваго всякая охотно полюбитъ, вотъ и жди „разставанья скорова.“

Или, вотъ еще примѣръ:

Всѣ подружки шьютъ подушки,
а мнѣ надо дипломатъ.
Всѣ подружки идутъ замушь,
а мнѣ надо погулять.

Не покажется ли сперва, что упоминаніе о подушкахъ и о дипломатѣ—случайно,—для рѣимы. Однако, это—не такъ. Связь идей очевидна: Подружки идутъ замужъ; естественно имъ готовить свое хозяйство,—шить подушки, ибо подушка—лучшій символъ брака. Мнѣ же,—думаетъ дѣвушка,—надо бы еще погулять; а для гулянія нужно придѣться нарядно,—нуженъ дипломатъ.

Возьмемъ еще частушку:

На горѣ стоитъ аптека,
любовь сушить человѣка.

Не любила,—была бѣла;
полюбила,—поблѣднѣла.

Сперва покажется: какія связь—между любовью и аптекой. Но тутъ весьма выразительно указывается сила страсти: до того изсохла, до того поблѣднѣла, что нужна медицинская помощь, нужно лечиться.

Эта прерывистость мысли, порою кажущаяся (но на дѣлѣ не таковая!) крайнею субъективностью случайныхъ ассоціацій, весьма сближаетъ частушку съ лирикой современныхъ поэтовъ-символистовъ, пропускающихъ промежуточные вѣхи на пути мысли и оставляющихъ лишь крайнія. Такому сближенію способствуетъ и формальная особенность частушекъ, тоже имѣющая себѣ параллель въ новой поэзіи. Я имѣю въ виду стремленіе къ звучности, между прочимъ, выражающееся, какъ тамъ, такъ и тутъ, въ двойныхъ римахъ; первая половина стиха римуется, или, по крайней мѣрѣ, созвучна со второю. Вотъ нѣсколько примѣровъ достигаемой такимъ приемомъ звучности частушекъ:

Мимо оконъ ходитъ бокомъ...
Еко горе мушъ Григорей!...
Возьму мыльцо, пойду мытца...
Не отъ дѣла похудѣла...
Всѣ подрушки шьютъ подушки...
Милый Саша, воля ваша...
Дайте ходу паракоду...
Подпояшу я Енашу...
Дали волю любить Колю...
Ты, гармошка, бѣлы-ношки...
Черезъ полѣ вижу Олю...
Не любила,—была бѣла;
Полюбила,—поблѣднѣла...

И т. д. Иногда звучность стиха достигается иными приемами,—ассонансомъ и аллитераціей; такова, на примѣръ, великолѣпная аллитерація одной рекрутской частушки:

Мѣдна мѣра загремѣла
надъ моею головой,
передающая звукъ металлическаго удара.

Навонецъ, есть еще одна черта, сближающая частушки съ „новою“ поэзіей. Это, именно, перѣдка въ нихъ утонченность эротики, рафинированность любовнаго чувства и многообразіе его проявленій. Тутъ мы видимъ, напримѣръ: любовь дѣвушки къ подругѣ, потому что брови ея такъ черны, какъ у милѣва; любовное созерцаніе платочка полученнаго отъ милѣва, т. е. родъ любовнаго фетишизма; одновременную любовь къ нѣсколькимъ, причемъ къ каждому она имѣетъ особый отѣнокъ; и т. д. и т. д. Не говорю ужъ о всевозможныхъ отѣнкахъ ревности и покорности предъ свершившейся измѣной, включительно до полной резиньяціи. Повторяю, я не пишу и з с л ѣ д о в а н і я о частушкахъ, а набрасываю лишь нѣсколько случайныхъ штриховъ; но я не могу не замѣтить, что этотъ вопросъ объ эротикѣ въ средѣ сельскаго люда и о тѣхъ формахъ ея, которыя принято считать или патологическими, или исключительно свойственными пресытившимся верхамъ культурнаго общества, весьма достоинъ внимательнаго изученія.

Сбитъ отмѣтить, что частушка служитъ живымъ свидѣтелемъ чистоты нравовъ нашего крестьянства. Часто утверждаютъ обратное и приводятъ въ доказательство тѣ или инія частушки. Но при этомъ забываютъ, что въѣдъ общественную нравственность нельзя брать безотносительно. Въ смыслѣ прямоты выраженій и отсутствія эвфимизмовъ частушки говорятъ столько, что исполнителямъ ихъ дальше уже нечего говорить; все названо своими именами. Представьте же себѣ теперь, что въ интеллигентскомъ обществѣ запѣли бы интеллигентскія частушки съ такою же степенью откровенности. Полагаю, что тогда мы и не то услышали бы, что слышимъ въ деревнѣ. Современная беллетристика только начала откровенничать, а и то всѣ поспѣшили ужаснуться.

Такъ какъ эротика—единственный предметъ ландоховой частушки, то при систематизаціи матеріала я старался выдержать приблизительно исторію развитія любви, ея расцвѣта и упадка. Частушки сгруппированы приблизительно въ слѣдующія гнѣзда: начало любви и ея развитіе (№№ 1—131), разгаръ любви, любовныя свиданія и разставанія (№№ 132—219), сплетни про дѣвушку (№№ 220—251), мысли о замужествѣ (№№ 252—296), отношеніе къ родителямъ и домашнія соо-

ры (№№ 297—364), разлука и сердечныя терзанія (№№ 365—474), равнодушіе и кокетство (№№ 475—476), любовныя ссоры и разочарованія (№№ 477—610), измѣна и ревность (№№ 611—676), грубости (№№ 677—699), женитьба милаго на другой (700—727); нѣсколько въ сторонѣ стоятъ частушки не-индивидуальныя (№№ 793—827), шутливыя и насмѣшливыя (828—866). Иногда, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Д. Зеленинъ, изслѣдователи стараются тщательно расклассифицировать частушки и озаглавить каждый отдѣлъ. Быть можетъ, это и представляетъ свои выгоды въ сборникѣ типическихъ частушекъ, для учебныхъ цѣлей, но при изданіи всѣхъ различныхъ частушекъ данного района такая классификація была бы крайне искусственной и произвольной, потомучто каждая частушка, какъ фактъ самой жизни, имѣетъ множество сторонъ, и зачислять ее въ ту или другую рубрику зависѣло бы отъ каприза изслѣдователя. Гораздо полезнѣе было бы при совокупномъ изданіи частушекъ приложить къ нему предметный указатель.

По своему содержанію, по своей формѣ, и, наконецъ, по способу своего возникновенія частушка есть крайній предѣлъ того спектра народной пѣсни, начальнымъ предѣломъ котораго является былина, историческая пѣсня и духовный стихъ. Въ то время какъ послѣднія выражаютъ священную, неподвижную стихію народной жизни и потому составляютъ преимущественное достоинствіе старости, стариковъ,—частушка соотвѣтствуетъ мірской, текучей стихіи народной жизни и потому принадлежитъ молодости, молодежи. Отсюда слѣдуетъ, что частушка не въ примѣръ всегда-неизмѣнной былинѣ, всегда мѣняется: для частушки характерно ея непостоянство. Частушка—это всегдашнее *eadem sed aliter*. Она всегда кажется новою, она всегда—не та, что ранѣе; однако, ея новое—такъ же старо, какъ міръ;—оно столь же ново, сколь нова представляющая себя единственной на свѣтѣ первая любовь. Но, будучи всегда одною и тою же, она всякій разъ возникаетъ сызнова: частушка есть всегдашнее измѣненіе, но никогда—развитіе. Будучи всецѣло во власти времени, въ интересахъ дня, частушка а-исторична и не знаетъ ни прошедшаго, ни будущаго. Поэтому, она никогда не является выразительницею всенароднаго сознанія, но—лишь индивидуальнаго, особнаго. Частушка не занята высшею правдою, но всецѣло предается своимъ настроеніямъ, своимъ

чувствамъ и интересамъ. Въ этомъ индивидуализмѣ и субъективизмѣ частушки кроется причина ея глубочайшаго сродства съ индивидуализмомъ и субъективизмомъ современной поэзіи. Частушка—это народное декадентство, народный индивидуализмъ, народный импрессионизмъ; однако, при этомъ должно помнить, что названныя направленія вовсе не суть специфическое достояніе нашей эпохи, а всегда существовавшія и періодически усиливавшіяся направленія поэзіи. Такъ дѣлаются понятны многія характерныя особенности частушки.

Прежде всего,—особенность формальная: частушка построена капризно и неравномѣрно. Не опираясь на опытъ вѣковъ и предоставленная самой себѣ въ каждое мгновеніе своего существованія, не имѣя исторіи, частушка рѣдко бываетъ выдержана. Начинаясь превосходно, она рѣдко доводитъ до конца ту же степень вдохновенности и порою падаетъ до чего-то жалкаго. Или, наоборотъ, начинаясь нескладно, она заканчивается выразительно и пѣвуче. Видно, что для поэтическаго творчества не достаточно одной вспышки вдохновенія, но необходима и традиція, школа. Кромѣ того, крайній индивидуализмъ разрѣшается однообразіемъ. Въ частушкѣ нѣтъ рѣзко очерченныхъ и отграниченныхъ образцовъ; отдѣльныя частушки оказываются нерѣдко весьма схожими другъ съ другомъ, и все собраніе частушекъ можетъ быть распредѣлено на сравнительно—небольшое число гнѣздъ частушекъ сродныхъ между собою. Получается то же, что и при всякомъ большемъ числѣ независимыхъ между собою явленій;—а именно, надъ таковыми господствуетъ „законъ большихъ чиселъ“, статистика. Какъ и всегда, крайняя независимость проявленій дѣлаетъ изъ людей среднія статистическія. Своеволіе индивида ввергаетъ общество въ рабство законовъ статистики. Изъ текучести частушекъ, изъ ихъ удобоподвижности понятно, что древнихъ частушекъ сохраняться не можетъ, если только ихъ не запишутъ во время. Отсюда дѣлается вдвойнѣ важнымъ своевременное собраніе ихъ. Каждый годъ приносить съ собою новыя частушки и уносить старыя. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ частушки сейчасъ посвящены фабричной жизни, то это надо принимать не за свойство частушки, какъ таковой, а лишь за свойство самой жизни: словно зеркало частушка отражаетъ въ себѣ все, что ни дѣлается съ жизнью. Такъ,

въ революціонный годъ явилось въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ множество частушекъ политическихъ и злободневныхъ. Но правильно ли, что частушка—революціонная поэзія?

Можно сказать, что былина—это выраженіе быта народа, вѣчно-вѣчной глубины его жизни, а частушка—злоба дня, мимолетная и, тѣмъ не менѣе, всегдашняя рябь на водной поверхности этого зато-на. Порою рябь превращается въ волны и пѣну; но потомъ волненіе успокаивается, и снова рябится водная поверхность.

Въ этой мгновенности частушки—особый интересъ ея для изслѣдователя. Въ частушкѣ мы имѣемъ предъ собою народную поэзію *in statu nascendi*,--видимъ рожденіе народной поэзіи. Вѣчно-юная, вѣчно-кипучая частушка есть бродящее вино народной жизни. Тутъ, быть можетъ, мы имѣемъ предъ собою нѣчто аналогичное зачаткамъ древней комедіи и трагедіи. И это дѣлается особенно ясно, если мы вспомнимъ, что частушки нерѣдко распѣваются антифонно, что въ лицѣ гармониста, быть можетъ, повторяется древній протагонистъ. Самый ритмъ частушки нѣсколько напоминаетъ иеифаллическій стихъ (*versus ithyphallicus*), а „похабныя частушки“ можно было бы уподобить иеифалламъ, т. е. фаллическимъ пѣснямъ греческихъ діонисій.

О другихъ видахъ частушки много говорить сейчасъ не стану. Относительно формы хороводной частушки слѣдуетъ только упомянуть, что послѣдній стихъ (четвертый въ собственно-хороводной частушкѣ) непременно содержитъ въ себѣ указаніе на поцѣлуй. Это—формальная особенность хороводной частушки. Темпъ ея чрезвычайно быстръ; ритмъ весьма выдержанъ и заразительно-весель. Въ смыслѣ красоты формы и своеобразія стиховъ съ двумя родами удареній (сильными и слабыми) эту частушку можно смѣло указать поэтамъ, какъ образецъ для подражанія. Что же касается до содержанія, то, сообразно съ безудержнымъ весельемъ хороводной частушки, оно отличается грубоватымъ юморомъ и, нерѣдко, забавною бессмыслицею, имѣющею конечной цѣлью подготовить въ послѣднемъ стихѣ такое или иное упоминаніе о поцѣлуѣ.

Еще больше діонисическаго изступленія въ ходовыхъ или плясо-

в ихъ частушкахъ; наконецъ, въ свадебныхъ или „сварьбишныхъ“ и иныхъ выкрикахъ оно переходитъ уже въ разгулъ и пьяное безудерже.

Рекрутская частушка интересна главнымъ образомъ по новому (въ сравненіи съ предыдущими) отношенію дѣтей къ родителямъ. Въ ландюховой и хороводной отцы и дѣти представляются обычно противоборствующими; въ рекрутской же частушкѣ слышится близость и кровная связь; стиль Гейне смѣняется стилемъ Никитина. Но почему-то рекрутская частушка иногда отзывается риторической сантиментальностью интеллигентской поэзіи.

Рекрутская частушка,—что само собою понятно,— составляетъ исключительное достояніе парней, робятъ, „мальчишекъ“. Что же касается до частушки прочихъ видовъ, то она распѣвается какъ „мальчишками“, такъ и „дѣвченками“. Однако, частое пѣніе „мальчишекъ“ выразительно отличается отъ такового же „дѣвченочъ“, какъ по содержанію, такъ и по общему тону. Частушка „мальчишекъ“ по большей части нѣсколько грубовата, рѣдко-рѣдко не задѣнетъ предметъ своей любви, „милашку“; юмористическій и насмѣшливый тонъ этой частушки порою переходитъ въ бахвальство своею грубостью, если не въ прямое оскорбленіе. Кромѣ того, нескромная шутка—тоже преимущественное достояніе частушки робятъ. Отсюда-то и произошла та кажущаяся странность, что въ настоящемъ собраніи частушекъ большая часть матеріала принадлежитъ „дѣвченкамъ“, хотя всеѣмъ извѣстно, что частушками по преимуществу занимаются робята. Дѣло объясняется весьма просто,—тѣмъ, именно, что частушки робятъ слишкомъ часто включаютъ въ себя такія слова и выраженія, какія не принято печатать даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, и потому большую часть этой поэзіи обнародовать сейчасъ не приходится.

Напротивъ, частушка „дѣвченочъ“,—тоже подчасъ далеко не салонная—гораздо скромнѣе и мягче. Въ ней преобладаютъ чувства нѣжныя, порою даже сантиментальныя. Въ ней часто слышатся слезы, обида, горечь; бываетъ и раздраженіе, но чрезвычайно рѣдка насмѣшка. Дѣвичья частушка тоньше робячьей, острѣе и ближе послѣдней подходитъ къ поэзіи книжной. Въ ней мало размашистой удалы полей и лѣсовъ, но за то довольно кокетства и, иногда, затаеннаго, почти городского,

ехидства. Если въ робячьей частушкѣ, за грубоватостью, чувствуется непосредственность, простоватость и, пожалуй, доброта, то въ дѣвичьей, несмотря на ея чувствительность, можно усматривать, скорѣе, пѣкоторую интеллигентность и то, что называется *esprit*,—даже внутреннюю разсудочную сухость сердца. Это—неудивительно, потому что сочетанія доброты съ грубоватою простотою и сухости съ изящной чувствительностью—самыя обычныя въ химіи духа. До извѣстной степени можно наглядно показать разницу частушки „мальчишекъ“ и „дѣвченокъ“, если сопоставить соотвѣтственные частушки обоихъ половъ. Вотъ маленькій примѣръ такого сопоставленія.

Робята поютъ:

Неужели ты завянешь,
травушка шелковая?
Неужели не вспомнешь,
дура безтолковая?

Дѣвки поютъ:

Неужели ты завянешь,
аленькій цвѣточикъ?
Неужели не вспомнешь,
миленькій дружокъ?

Относительно частушки дѣвичьей уместно высказать еще одно соображеніе. Читатель, уже при бѣгломъ чтеніи частушекъ, вѣроятно, обратитъ вниманіе на то, что въ частушкѣ, по содержанію своему явно составленной дѣвицею, составительница говоритъ о себѣ въ мужскомъ родѣ. Нельзя думать, что это—оговорка, *lapsus linguae*: такихъ частушекъ съ „оговорками“ слишкомъ много. Нельзя думать и того, что это *licentia poetica*,—ради размѣра: по большей части размѣромъ вполне допускается и женскій родъ, такъ что не составляетъ труда сдѣлать замѣну. Но что же это такое? Отвѣтъ на это легко дать, если припомнить кое что изъ области половой психологіи и изъ исторіи литературы. Извѣстно, что поэзія—не женское дѣло и что поэтессами всегда бывали женщины мужественныя, „промежуточныя формы“ между собственно женщиною и собственно мужчиною. Отсюда понятна всегдашняя склонность поэтессъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая позднѣйшими, говорить о себѣ въ мужскомъ родѣ. Повидимому, не иначе бываетъ и у деревенскихъ поэтессъ; а отъ нихъ вновь—составленная частушка такъ и распространяется въ средѣ настоящихъ дѣвицъ съ несоотвѣтственнымъ содержанію мужскимъ родомъ.

Заканчивая свое обрывочное изложеніе мыслей о частушкахъ, я считаю долгомъ добавить, что смыслъ своей работы вижу совѣмъне въ этихъ

замѣткахъ, а въ изданіи сырого матеріала. Но если бы эти замѣтки обратили чье-нибудь вниманіе на частушку и побудили его сдѣлать подобную же запись для иного уголка Костромского края, то я былъ бы вполнѣ удовлетворенъ.

При этомъ мнѣ кажется полезнымъ указать, въ интересахъ общаго дѣла, на крайнюю необходимость записывать по возможности в сѣ варианты той или иной частушки. Только при наличности ихъ возможно будетъ, наконецъ, понять, какъ идетъ процессъ народнаго творчества, и что онъ такое—въ существѣ своемъ: индивидуальное ли вдохновеніе отдѣльныхъ поэтовъ, терпящее порчу по мѣрѣ своего распространенія, или, на оборотъ, постепенно-совершенствуемое, отъ поэта къ поэту, или, наконецъ, созданіе безсознательнаго и слѣднаго инстинкта обще-народной массы. Правда, собирать варианты скучно, а печатать ихъ кажется излишнею роскошью; но, быть можетъ, важнѣе изучить одну частушку во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, нежели гнаться за многими, но безъ вариантовъ.

Возможно, что довольно значительное число словъ въ собраніи частушекъ окажется непонятнымъ читателю. Объясненія такихъ словъ отсутствуютъ въ виду того, что въ скоромъ времени надѣюсь выпустить въ свѣтъ подробный словарь изучаемой мною мѣстности. Но, быть можетъ, теперь же необходимо объяснить одно, весьма часто встрѣчающееся, малопонятное выраженіе, а именно „моётъ“, которое есть сокращеніе „мой-отъ“, т. е. „мой“ съ древнимъ опредѣленнымъ членомъ, доселѣ сохранившимся въ Костромскомъ нарѣчьи.

Павелъ Флоренскій.

Частушки, собранныя въ селѣ Толпыгинѣ Костромской губерніи, Нерехтскаго уѣзда, Новинской волости.

Ландюховыя частушки

(индивидуальныя).

1. Лавы *) гнутса, лавы гнутса,
лавы под'гибаются.
Двое любить, двое любить,
третій—собирается.
2. Я сидѣла под'окошкомъ,
шила платицо с'горошкомъ,
двѣ оборочки подрятъ,—
для хорошихъ ребятъ.
3. Навяжу ли я к'лицу
бѣлинькой платочикъ:
я не кѣмъ не занята,
гуляю какъ свѣточикъ.
4. Повяжу я, поищу
(или: повяжу я, повяжу)
бѣлинькой платочикъ.
Я не кѣмъ не занята,—
гуляю какъ цвѣточекъ.
5. Двѣ берёски да вѣтля,—
всѣ попарно, я—одна.
Дѣлать нечѣво одной,—
я сейчасъ уйду домой.
(или: пойду с'гуляночки домой).
6. Давай, товарка, попоёмъ,
попоёмъ, удаляя.
Ты люби большова брата,
а я буду—малова.
7. Сошью ковточку бардѣву
на отдѣлку—ластику.
Ты люби, товарка, Васю,
а я буду—Сашиньку.
8. Шапью ковточку бардѣву,
на отдѣлку—ластику.
Ты люби, товарка, Сашу,
а я буду—Васиньку.
9. Сошью ковточку собѣ
ис'ситчику зелѣнова.
Полюбилъ бы хоть годовъ
это Спиридонова.
10. Купи, маминька, на платѣ,
буду барыней ходить.
Я сошью капотъ с'боркой,
буду слесаря любить.
11. На дорожкѣ стоять столбикъ,—
верстовой, нельзя рубить.
На примѣтѣ есь мальчишко,—
занятѣй, нельзя любить.
12. Поносилъ бы, поносилъ бы
ситичку московска!
Полюбилъ бы, полюбилъ бы
ткачика Павлѣуска *)
13. Ты гармошка,—бѣды пошки,
позолочены мѣха!
Полюбилъ бы богомолу,
не отмолить ли грѣха.
14. Кто канторщикѣвъ не любить,
а я стала бы любить:
образованные люди,—
знаютъ, што поговорить.
15. Купи, тятинька, калоши,—
хоть годовъ потопаю.
Ниужели, тятя с'мамой,
я не заработаю?
16. Купи, маминька, на платѣ
жигалѣту с'брова.
Уважать теперъ я буду
Васютку Алексѣева.
17. Купи, маминька, на платѣ
жигалѣту силѣва,
Уважать теперъ я буду
сыночка Васильева.

*) Такъ называются переходы на желѣзничной гати изъ нѣсколькихъ длинныхъ бревенъ.

*) т. е. съ фабрики Павлова въ Киселевѣ.

18. Крость Толпыгино село
проплету частой плетень.
Заведу себя мальчишка—
как бы видѣть каждой день.
19. Закажу себя колечко
отъ рубля пятнатцати.
Заведу себя дѣвчѣнку
годовъ девятнатцати.
20. Мимо нашева крылечка
течѣтъ рѣчка ручайкомъ.
Познакомилась с'мальчишкомъ
я вчарашнымъ вечеркомъ.
21. Часто в'церковь я ходила
и ставала пот'передъ:
мо-ѣтъ милой—чернобровой,
опъ на крилосѣ поѣтъ.
22. У таварки брови черны,
какъ у милова мово.
Погляжу я ва таварку,—
всѣ равно какъ на нѣво.
23. Распушшу катушку нитокъ
по зелѣному лушкѣ.
У мово-то ли милѣнка
домъ на самомъ берешкѣ.
24. Какъ в'слесарню-ту дорога,
въ нѣву фабрику—тропа.
Мо-ѣтъ милинькой роботать
у середнева окна.
25. Какъ у Сидорова в'ванторѣ
всѣ приводы да трубѣ.
Не большая тамъ зазноба
и манить миня туды.
26. Переншла бы я къ Павлоу *),—
только лѣсенка крутѣ.
Не большая тамъ зазнобушка
поманивать туды.
27. Не любила чаю пить,—
любила пѣ-воду ходить.
Отчево любила я?
—Мимо дому милова.
28. Шла я полѣмъ, сидѣль воронъ
на высокою соснѣ.
Мо-ѣтъ милой черно-бровой
часто видится во снѣ.
29. Шоль я полѣмъ, сидѣль воронъ
на высокою на соснѣ.
Не моя-то ли милѣя
часто видится во снѣ?
30. Потеряла ис'кармашка
еровое зѣрнышко.
Поглядѣль бы на милова,
какъ на красно солнышко.
31. Потерялъ я ис'кармашка
еровое зѣрнышко.
Поглядѣль бы на милую,
какъ на красно солнышко.
32. Черно-бровинькой мой милинькой,
не стой передо мной:
Разгоритца моѣ серцо,—
не зальешь ево водой.
33. Золото моѣ колечко,
сыспода—лужоное.
Ретивоѣ мое серцо
с'милымъ жаражоное.
34. Бѣлу коточку скроила,—
полки укоротила.
Полюбила я мальчишка,—
серцо узаботила.
35. Схожу в'зелѣнинькой лѣсокъ,
сорву ландышокъ свѣтокъ,
приколо милѣнку в'грудъ,
скажу: „до смѣрти не забыть“.
36. Не сердись, милѣй на ето,
што не рѣско говорю.
Всей душой тебя жалѣю,
только виду не даю.
37. Двѣ берѣски зеленѣютъ,
третья—почки предаѣтъ.
Любить, любить миня милѣй,—
только виду не даѣтъ.
38. Незабудочку-свѣточикъ
ангелъ с'неба уронилъ.
Не забуду то словечко,
што мнѣ милой говорилъ.
39. Не забуду тотъ кусточикъ,
гдѣ я в'точку сломилъ.
Не забуду то я слово,
што милашкѣ говорилъ.
40. Пойду, схожу за овины,
нашшиплю я озими.
Вотъ, сказать ли вамъ, дѣвушки,
кво люблю отъ осени?
41. Ой, дѣвчѣнки, кѣнчино:
запропало кольчику,
с'среднива пальчика,
у знакова мальчика.
42. С'неба звѣздочка упала,
прямо к'милому на чердакъ.
Пропадай моѣ колечко,
только стоитъ чивертакъ.
43. Частой дождикъ накрапасть
на сарайчикъ тесовой.
У мальчишка пропадастъ
мой платочикъ носовой.

*) т. е. на фабрику Павлова въ Киселевѣ

44. С'горки на гору иду,
иду я,—оступаюся.
Я которова люблю,—
люблю не запираюся.
45. Охъ, я в'Толпыгино иду,—
иду не запинаяся.
Охъ, я милую люблю,—
люблю не запираюся.
46. Я любила тако время,
когда свѣтики свѣтуть.
Ешшо больше уважаю,
ково Шурочкой зовуть.
47. Я сидѣла на лущкѣ,
писала мѣлому друшку,
(или: писала тайности друшку).
Вотъ какія тайности:
„люблю друшка до крайности“.
48. Мѣлой, ладдышокъ душистой,
незабучка свѣтокъ!
Не забудь, милъ, мой подарокъ,—
мой батистовой платокъ.
49. Мѣлой, ладдышокъ душистой,
мѣлой, розовой свѣтокъ!
Не забудь, милѣй, подарокъ,—
мой батистовой платокъ.
50. Моѣ гладинько колечко
знаю, гдѣ потѣрено:
интересному мальчишку
поносить довѣрено.
51. Мѣлой колики рубяль,
мѣлой садикъ городиль,
мѣлой с'малинькой тальяпочкой
по садуку ходиль.
52. Ты играй, играй, гармошка,
золотые пѣшнички.
Помени миня, милѣя,
заводивши ниточки.
52. Ты не лай, не лай, собачка,
малинькая дамочка:
дай послушать, гдѣ играетъ
мѣлова тальяночка.
53. Полѣтай-ко, полѣтай,
сѣринькой воробушокъ.
Мо-ѣтъ милинькой поѣтъ,
какъ въ лѣсу соловышокъ.
54. У берѣски я стояла,—
берѣска вянеть на миня.
Хто в'гармонъ играть умѣеть,
тотъ—симпатя мя.
55. Вѣтса, вѣтса кругъ велотса
манинькой воробышокъ,
черно-бровой, черно-глазой,—
это мой милѣночѣкъ.
56. Какъ на нашой на рѣкѣ—
перехотъ берѣзовой.
Мо-ѣтъ милинькой гуляѣтъ,
какъ свѣточикъ розовой.
57. Сколько звѣздочекъ на небѣ
въ полу-ночной вышинѣ.
Сколько дѣвушекъ на свѣтѣ,—
моей милашки лучше нѣтъ.
58. Много звѣздочекъ на небѣ,
полу-ношной вышинѣ.
Много мальчиковъ на свѣтѣ,—
милѣва лучше нѣтъ.
59. Черно-бровой, черно-усъ,
полюбила, да боюся.
Полюбила, врѣзалась,—
быль бы ношъ,—зарѣзалась.
60. Я люблю, люблю гармонъ,
люблю больше игрока.
На гармонъ куплю букетъ,
с'игрока сниму патретъ.
61. Не свѣти-ко, свѣтокъ алай:
на букетъ сорву тебя.
Не гледи-ко, мой любезной:
на патретъ сойму тебя.
62. Всѣ я гласки приглядѣла
на тебя, хорошей мой.
Ис'кармана вынимаѣшь
носовой платочикъ мой.
63. Дожжикъ лей, доджикъ лей,
на миня и на людей.
Я вчарася наглядѣласъ
на милѣнка издалѣй.
64. Золотѣ моѣ колечко
по столу каталоса.
Мое гласки наглядѣлись,
на ково хотѣлоса.
65. Пот'пояшу я Енашу
голубьемъ пояскомъ.
Погляжу я на Енашу
хотъ веселинкимъ гласкомъ.
66. Милинькой-усатинькой—
в'рубашкѣ полосатинькой.
Кабы бѣлую надѣлъ,—
на тебя бы всё глядѣлъ.
67. Охъ, сорѣка-бѣлобока,
научи миня летать,—
невысоко, недалѣко,
только мѣду повидать.
68. Поглядѣль бы на милѣва,
што топеръ онъ дѣлаеть.
В'бѣлой вышитой рубашкѣ
по конторѣ бѣгаеть.

69. Поглядѣлъ бы, поглядѣлъ,
што мой милинькой надѣлъ,—
чорны брюки, пинжачёкъ
и фурашка на-бочёкъ.
70. Я вчара обѣку пѣру
у таварки чай пилъ.
Сидѣла мѣлому настрѣчу,
я с'его патреть снялъ.
71. Моё гладинько колечко
по столу вертѣлоса.
Наглядѣлись мои гласки
на ково хотѣлоса.
72. Золотѣ моё колечко
пѣ столу вертѣлоса.
Погледѣли мои глазки,
на ково хотѣлоса.
73. Мнѣ сказали про милѣва:
(или: ...про милѣнка:)
„худинькой да манинькой“.
Воскресенье наглядѣлася:
(или: Поглядѣла в'воскресенье;
или: А сама какъ посмотрѣла:)
какъ свѣточикъ алинькой!
74. У варотѣ стоятъ саночки,
дубовой полозбѣк.
Я за то люблю мальчишка,
што пошшуривать глазокъ.
75. Хорошо берёзонькѣ,
которая лозѣвая.
Хорошо дѣвчѣночкѣ,
котора чернобрѣвая.
76. Хорошо рыбу ловить,
котора въ берѣжку валитъ.
Хорошо тово любить,
которой самъ заговорить.
77. У ково милѣй какой,
у миня—мастеровой.
Интересная походочка,
не качнѣтъ онъ головой.
78. У ково милѣй какой,—
у миня—мастеровой.
Ево модная походочка:
качаетъ головой.
79. Моя мѣла хороша,
за ней ходять сторожа.
Сторожа сторѣжуютъ
мою милу хорошую.
80. У моей-то у милашки
глаза чорны, какъ у пташки;
разкурносинькой носокъ,
винарейкинъ голосокъ.
81. Антиресно-ѣтъ мальчишко:
никогда такъ не пройдѣтъ.
Либо губки на улыбкѣ,
либо глазишкомъ мигнѣтъ.
82. Завлекательныя глѣски
завлекли отъ самой Паски.
Заразительныя очи
заразили с'тѣмной почи.
83. Моя мѣла—благородна:
никогда такъ не пройдетъ.
Либо губки на улыбкѣ,
а то—гласкомъ поведѣтъ.
84. Утка плавать по водѣ,
кормится песочкомъ.
Не далѣко мѣлой мой,—
только за лѣсочкомъ.
85. Что-то в'Пашѣ всколыхнулось,—
знать утѣнокъ потонулъ.
Что-то дѣвущкѣй икнулось,—
знать милѣнокъ помянулъ.
86. Кто-то, кто-то к'намъ подѣхалъ,—
незнакомы саночки.
Збруя нѣва, сивой ковь,—
неужели мѣлой мой?
87. Я с'початка заправляла,
и початочокъ упалъ.
На милѣнка заглядѣлася,
какъ милѣнокъ пробѣжалъ.
88. Кину-брошу пустяки,
возмуса за порятки.
Мѣлой корпусомъ пройдетъ,—
челнокомъ пушшу в'занятки.
89. Пава ходитъ, рѣчь разводитъ,
не скупится во словахъ.
У Олѣны серцо бѣѣтса,
не плетутса кружова.
90. Ушъ я жала рошъ высѣку,
жала не лѣнилася.
Увидала я милѣнка,—
в'лицо измѣнилася.
91. Жала я узинку полоску,
жала ни лѣнилася.
Увидала я милѣва,—
в'лицо измѣнилася.
92. Вѣтерочикъ—не кусточикъ
поперѣкъ дорожиньки.
Увидала я милѣнка,—
пот'восились ножиньки.
93. Я врозь улицу иду,—
ношки подгибаютса.
Мою мѣлую катаютъ,—
серѣшки колыхаютса.

94. Вдоль я улочки иду,—
ножки подгибаются.
Я дѣвчѣночку люблю,—
люблю не отпираюса.
95. Витерочикъ на кусточѣ
поперѣкъ дорожиньки.
Увидала я милѡва,—
подкосились ножиньки.
96. Я крозь улицу иду,—
ножки подгибаются.
Увыдалъ свою милѹю,—
серце разрывается.
97. Золотѡ моѡ колечко,
голубѡ печаточка.
Раздробила моѡ серце
на ремнѣ дву-рядочка.
98. Мнѣ не пѣтса, не глотается
холодной кислой квасъ.
Чижелѡхонько вздыхается
всѡ, милянкой, обвасъ.
99. Ой, дѣвченка, ой, йой, йой!
Въ черной тройкѣ милой мой,
механической картусъ,
ко мнѣ подходит не канфусъ.
100. Какъ у насъ в'среднемъ полѣ—
ѡлочка зелѣная.
Мо-ѡтъ милянкой красивъ,—
вертуха бѣдовая.
101. У Павлѡѹа-то в'канторѣ
есъ крашоной верстачокъ.
Можетъ, милой сидитъ-пишетъ,—
на нѡмъ черной пинжачокъ.
102. У Дорѡднава в'канторѣ
лакомъ крытой верстачѡкъ.
За нимъ сидитъ милой, пишѡтъ,
на нѡмъ черной пепжачѡкъ.
103. В'полѣ каминшокъ бѣлѣтса:
бѣлѣ ево нѣтъ.
Милой в'трѡбѣчку одѣнетса:
милѣ серцу нѣтъ.
104. Не любила чаю пить,—
любила пѡ-воду ходить.
Ешшо больше уважала
с'контористамъ говорить.
105. На рѣкѣ на Талицѣ
купались двѣ красавицы;
косы завиты назатъ,—
не могъ красавицы узнать.
106. Погледѣлъ бы в'ту кантору,
гдѣ хорошиѣ сидятъ.
Не открыто ли окошко?
Хотъ бы травкой покидатъ.
107. У миња милѡнокъ есъ,
онъ—в'канторѣ, а не здѣсь.
Онъ в'почетноѡмъ дому,
важной кланитса ѡму.
108. Чай пила ис'ковшичка,
любила я канторшичка.
Чай пила ис'чистова,
любила я фарсистова.
Чай пила из'новова,
любила черно-бровова.
109. Погледѣлъ бы, погледѣлъ,
што твой миленькой надѣлъ.
Мо-ѡтъ миленькой хорошъ,
а я его обую изъ резиновыхъ
калошъ,—
в'лапоточки обую.
110. Намъ картошка—не харчи.
Насъ и любятъ не ткачи,—
не теачи-проборшички,—
Дорѡдноски канторшички.
111. Я посѣяла гороху,
полюбила я Олѣху.
А Олѣха парень бравоной,
развесѣла голова.
Развесѣла голова—
я косыночку дала.
112. Давай, таварочка, сошьѡмъ
одинокѣ платя.
У насъ милѣ с'тобой—
какъ родные братья.
113. Хорошо траву косить,
которая зелѣная.
Хорошо дѣвку любить,
которая весѣлая.
- 114.² Двѣ берѣзки завилиса,
третья—закудривилась.
Я и самъ себѣ дивлюса,
какая дрянъ пондравилась.
115. Лѣтъ семнатцати мальчишко,—
всѣ порятки знаетъ:
пьѣтъ вино, куритъ табакъ,
з'дѣвшкамъ играѣтъ.
- 116.² Не шуми, бѣла берѣза:
безъ шумленя широка.
Не редиса, моя мила:
безъ наряду хороша.
117. Ты, милѡнокъ, не форси,
пенжакъ внаиктку не носи.
Надѣвай-ко врукава,—
твоя удѣла голова.

118. Винограду в саду много,—
садовникъ ухаживать.
Чернобровиной мальчишко
уваженья спрашивать.
119. Милой мой, не пей вина;
херошинькой, люби миня.
—Милаа, не буду пить;
хорошая, буду любить.
120. Шоль я полёмъ молодець,
бѣтъ милашичку отецъ.
На-те, дядя, сто рублей,
мою милочку не бей.
121. Шоль я полемъ, видѣлъ горе:
пашѣтъ милая моя.
„Богъ на помочъ тебѣ, милая!“—
заплакала она.
122. На горѣ-то—виноградъ,
подъ горой-то—вѣтки.
Мо-ѣтъ милой—чиботарь:
здѣлаеть барѣтки.
123. У ково милой такой,—
у миня—мастеровой.
Вѣтъ сабожникъ молодой—
ека милая походочка!—
качаеть головой.
124. На батистовомъ платочкѣ
вышью наугольничекъ.
Какъ у Сидорова в канторѣ
живѣтъ полюбовничекъ.
125. У милова домъ—кантора,
подъ окошкомъ—лавочка.
Миня сушить-завлекаеть
интереснай Ванечка.
126. Чай пила ис под'окошничка,—
полюбила я конторшничка.
Чай пила-то я из'новава,—
полюбила черно-бровова.
- 127.* Полюбила Саньку я,
у Саньки—мельница своя,—
мельница да кузница.
Какой мальчишко умница!
128. Нашо полѣ с'милымъ рядомъ,
нашо—колосистѣе.
Милой станетъ со мной рядомъ,
онъ—миня форсистѣе.
129. Милой—по морю на лодкѣ,
а я—бережомъ пѣшкомъ.
Милъ в'сатиновой рубашкѣ,
под'поясанъ ремешкомъ.
130. Милой в'городѣ гуляетъ,
а я—в'Якольскомъ селѣ.
Милъ на тройку выбираеть,
а я—чѣрну шаль себѣ.
131. Мо-ѣтъ милинькой гуляль
в'майскомъ дипломатѣ.
Я дѣвонка не видала,—
спала на кровати.
132. Што за сонцо, што за красно,—
крозъ башмачкиношки жѣтъ.
Што за милой, за хорошей,—
вечеркомъ подолгу ждѣтъ.
133. С'десяти часовъ со смѣны
антиресно погулять.
Обѣщалса мой милѣнокъ
до квартиры провозать.
134. С'десяти часовъ со смѣны
завлекательно ходитъ:
(или: замѣчательно ходитъ:)
Обѣщалса мой любезной
до квартиры проводить.
135. Во садочкѣ голубочки
будѣтъ налеталиса.
Мы—не часъ вчера с'милымъ,—
досыта нагулялиса.
136. Осьмой часикъ на доходѣ,
ис канторы милъ проходить.
Надѣваеть дипломатъ,
собираетса гулять.
Праву руку подаётъ,
гулять на линію зовѣтъ.
137. Стояли с'Мишинькой под'
вишинькой,
гуляли по рѣкѣ.
Сорвалъ Мишинька двѣ вишинки,—
ростаяли в'рукѣ.
138. Всѣ свѣточки разсвѣли,—
алинькова нѣту.
Всѣ-то дѣвупки гуляють,—
милинькой-то нѣту.
139. Я сидѣла на лушку,
повѣсила голбушку.
Отчево повѣсила?
—гуляницю не весело.
140. Много, много полушалковъ,—
только нѣтъ ковровова.
Много мальчиговъ гуляеть,—
знаю, нѣтъ которова.
141. На собраньицо я шла
в'дверихъ остановиласа.
Моево милѣнка нѣтъ,—
назатъ я воротиласа.
142. Говорилъ мнѣ милой мой,
говорилъ-наказываль:
„Гулять севодни не приду,—
„чорный платъ повязывай“.

143. У качели, у качели,
у качельнова столба,
нѣту счастья никовда:
либо вѣтѣрь, либо дошъ,
либо съ качели упадѣшъ.
144. Пойдемъ, таварочка, домой,—
будѣтъ, нагулялися.
Твово милова здѣсь нѣтъ,
с'моемъ—навидалися.
147. Изломалоса лектричество
во машинѣ паровой.
Слесарямъ работы много,
не придѣтъ милѣй домой.
148. Будѣтъ, будѣтъ, пофорсила,
бѣлы бусы износила,
Бѣлы бусы—какъ горохъ,—
придѣтъ милѣй нездоровъ.
149. Милый мой, карманный воръ.
— „Пойдемъ, моя карман-
ница.
„Пойдемъ, моя карманница,
„охоча до гуляница.“
150. Не гори, моё жаркое:
я бульону подолью.
Не тоскуй, моя милая:
вечеркомъ к' тебѣ приду.
151. Волга-матушка глубѣка,—
всю пройду-промѣрю.
Не далѣко моя мила—
вечеркомъ я збѣгаю.
152. Шача-рѣчка не величка,—
я пройду, промѣрю.
Мой-то милѣй—недалечко,—
живо къ нему збѣгаю.
153. Што-то понче за жара,—
вся привяла губина.
Ходи, милѣй, не стѣсняйся,
одново люблю тебя.
154. Я по улицѣ иду,
собаки лають на бѣду,
(или: собаки лають на бѣгу.)
Онѣ лають,—про то знаютъ,
что я к' миленькой иду.
155. На широкой полосѣ
жала я, торопялася,
Все к' любезному друшкѣ
в' гости торопялася.
156. Вдоль деревни я пройду,
я пройду-проухаю.
У милашки под' окошкомъ
зонтикомъ постукаю.
157. Мнѣ хотѣли запретить
вдоль Толпыгина ходить;—
стѣну каменну пробью—
вдоль Толпыгина пройду.
158. Погляди-ко-те, дѣвчѣнки,
не горить-ли банька?
Не придѣтъ-ли погулять
интересный Санька?
159. Возьму мыльцо, пойду мытца
на Толпыгинску рѣкѣ,—
не увижу ль я зазнобу
со крутова берешкѣ.
160. Возьму мыло, пойду мытца
я на Шачу на рѣкѣ.
Не сидитъ ли мой любезной
на крутомъ берегу.
161. Полуночна звѣздочка,
скажи ты, гдѣ бесѣдушка?
— Бесѣдушка—в' томъ краю,
у милѣнка на дому.
162. За рѣкой огонь горитъ,
милашка кашницу варитъ.
А я думалъ, што пожаръ,—
схватилъ тальянку побѣжалъ.
Оступилса в' ямочку,
расшипъ гармонь-тальяночку.
За рѣкой огонь погасъ,
милашка кашицы подасъ.
163. Я стояла у калиточки
я бѣлила бѣлы ниточки.
Я бѣлила-то бѣлѣхонько,—
придѣтъ милицкой хоро-
шинькой.
Ему личико надуло вѣтиркомъ.
„Раскрасавица, попой миня
чайкомъ“.
Напоила чайкомъ съ мяточкой,
обложила сердце ваточкой.
Распроводила далѣконько
за двѣ рѣчиньки за быстрые,
за ручайки-то ли за чистые.
164. Што ты, милъ, ко мнѣ не ходишь?
развѣ рѣчка глыбока?
Што гостинчиковъ не носишь?
развѣ бѣднось велика?
165. Кто-то полюшкомъ идѣтъ,
тросью упирается.
Ни ко мнѣ ли милѣй мой
в' гости пробирается.
166. Ужъ ты, милая моя,
встрѣтъ во полюшкѣ миня.
Встрѣтъ во полѣ во пути,
пол-бутылочки купи.

167. (Эхъ), ты берёза, ты берёза,
золотá пругиночка!
Пожалѣй меня, милáшка,—
я вѣдь сиротиночка!
168. Черви, бубны, утре, будни,
жалко праздничекъ прошолъ.
Жалко милова дружочка,—
ко мнѣ в' гости не пришолъ.
169. Воскресенье вечеркомъ
ланпочка горѣла.
Што ты, милой, не пришолъ?—
Я тебѣ велѣла.
170. Што ты, милой, не пришолъ,
коли я велѣла?
Я всю ночку не спала,
ланпочка горѣла.
171. Кабы не было погоды,—
не валилъ бы бѣлой снѣжъ.
Кабы не было зазнобы,—
не пошла бы в' тотъ кошечъ.
172. За рѣкой огонь горить,
милáшка кашину варить.
А я думалъ, что пожаръ,
взялъ тальянку, побѣжалъ.
173. Чайникъ—новой, сто-рублёвой,
самоваръ-то—двѣсте.
Всю недѣлю—с' милой врозь,
воскресенье—вмѣстѣ.
174. У милѣнка я былá
з' земляничкой чай пила.
Чай пила я для смѣху,—
всѣ считали за сноху.
175. Чайникъ чистой, чай душистой,
кипячёная вода.
Милой рѣжотъ лимонъ свѣжой:
„Кушай, милочка моя!“
176. Чайникъ—чистой, чай—душистой,
кипячёная вода.
Лимонъ свѣжой милой рѣзалъ:
„Кушай, милая моя!“
177. На окошкѣ стоитъ розанъ,
на другомъ—стаканъ с' во-
дой.
Лучше с' маминькой ростанусъ,
чѣмъ, милинькой, с' тобой!
178. Екай, страмъ табакъ курить!
Ека горечь вино пить!
Ека снотосъ сахаръ ѣсть!
Ека радость с' милой здѣсь!
179. Сколько я пожилъ—водки непилъ.
мила приневолила,
Мила приневолила—
дѣпяна набѣла.
180. Ужъ ты, милая моя,
купи бутылочку вина,
Купи болѣ—люби долѣ,
буть сударушка моя.
181. Милинькой, хорошинькой,
купи канфетку с' баронькой.
Мы канфеточку съѣдимъ,
на патретикъ поглядимъ.
182. Милинькой, кудрявинькой,
купи конфетку з' барыней.
Хоть не дорого давай,
да с' патретомъ выбирай.
183. Вы спроситѣ,—я скажу,
вѣшто въ прядильну хожу:
частихъ пѣсенокъ пошѣть,
на милова поглядѣть.
184. Я у Коли в' коллдорѣ
посчитала лѣсинокъ.
По Колиной гармошничкѣ
я попѣла пѣсинокъ.
185. Пѣсни пѣть я ни горазда,—
заставляѣтъ милой мой.
Сядетъ рядомъ и—с' гармошкой,
(или: Самъ в' гармошку заиграѣтъ,—)
скажѣтъ: „Милая, запой!“
186. Што не вѣтеръ вѣтку клѣвить,
не дубравушка шумить:
мальчикъ дѣвку-чернобровку
в' лѣсъ за ягодамъ манить.
187. Пойду, выйду на дубравку,
гдѣ прохладный вѣтерокъ.
Парень дѣвку-чернобровку
вдоль по улицѣ ведѣтъ.
188. Не ходи-ко ко мнѣ садомъ,
не садиса со мной рядомъ,—
сятъ к' таваркѣ, не ко мнѣ,
таварка скажетъ послѣ мнѣ:
она—моя любимая,
роскажотъ всё про милова.
189. Кукуреку пѣтушокъ
середи болота.
Приди, милой, побывать:
поглядѣть охота.
190. Ахъ ты, пѣсня-пѣсенка,
есть на печку лѣсенка;
Приходи мнѣ искать,—
я тамойко буду спать.
191. Засвѣчу я свѣчу сальну,—
пойду к' милому во спальну.
Засвѣчу я восковую,—
разбужу и поцелую.

192. Мой милёнокъ—ни телёнокъ:
давай цѣловатса.
Тятка в' ригѣ, мамка в' банѣ,—
нёково боятса.
193. Волга долга и ширѳка,
Волга—тонинькой лёдокъ.
Цѣловаль свою милашку,—
гупки слѳтки какъ мѳдокъ.
194. Какъ Толпыгино-сѳло—
улица садѳвая.
Хотѣль дѳвчѳнку обмануть,—
она сама бѳдовая.
195. Свѣтитъ мѳсець, какъ цѣлковой.
а звѣзда,—какъ четвертакъ,
Мо-ѳть милинькой растѳпа:
сидѣль рядомъ, ушоль тѳкъ.
196. Вотъ какъ милая моя
мнѣ вѣдь денежку дала;
„И за ету денежку
„полюби миня ты дѳушку“.
197. Моя мила чисто жнѣть,
аккуратно вяжеть;
Поцѣлуеть, обоймѣть,—
никому не скажеть.
198. Ой, милашка, цвѣтикъ мой,
цвѣтикъ огурешной,
пожалѣй миня разокъ,—
я не вѣковѣшной.
199. Я рябинушку ломала,
на окошко кисти клала.
Я подамъ милѳму вѣсь:
„Приходи рябину вѣсь“.
200. Я рябинушку ломала,
на окошко кисти клала.
Посылала друшку вѣсь *):
„Приходи рябину вѣсь“.
201. Последней разъ, последней часъ,
остѳльной прасничокъ **) у
насъ;
Мы зароемся в' соломушку,—
не найдетѣ вы насъ.
202. Ой, милашка, душичка,
дай погладить брюшничко.
Лажисъ под' осянушки,—
я поглажу спинушки.
203. Тѳваласа, потѳдаласа,—
не хочется упасъ.
Мальчик-отъ на дѳвушку
стараецъ понасъ.
204. У полѣньницы у дровѣ
солучилоса любовь.
Какъ про ету про любовь
только знаетъ оданъ Бохъ.
205. Всѣмъ дѳвчѳнка хороша,
только—угли на лицѣ.
„Послѣ чаю простудиласъ
„я с' милѳнкомъ на крыльцѣ“.
206. Моя милка—на горѣ,
а я—подъ горою.
Еѳ ишшуть с' фонарѣмъ,
а она—со мною.
207. Милой, милой, милой мой
уговариваль зимой,—
ночи тѣмные осенние
простаиваль со мной.
208. У колѳчика зимой
уговариваль милой,—
клевса небомъ и землѣй:
„Будешъ, милая, за мной“.
209. Что ты, милой, чай не пѣшъ?
али любить миня не хошъ?
—Я любить-то ничево,
„да раставатса чижело“.
210. Трудно, трудно зажинатьца
на широкой полосѣ.
Трудно, трудно раставатца,
когда дѳвчѳнка—по душѣ.
211. Што-то в' полѣ шевелитса
мѳленка ворѳчатса.
Надо съ милымъ раставатса,—
ой, какъ мнѣ не хочетса!
212. Свистить свистокъ на смѣну,
закипѣла во мнѣ кровь,
закипѣла во мнѣ кровь,
съ милашкой кончиласъ лю-
бовь.
213. Виноградъ в' саду поспѣль,—
ягоды валятса.
Какъ съ милѳнкомъ не сиди,—
надо раставатса.
214. Гдѣ съ милашкой мы стояли,—
снѣкъ растаяль до земли.
Я с' милашкой распростилса,—
ручѣмъ слѣзы потекли.
215. По мнѣ милка плакала,
фартужокъ окѳчала.
Когда вышли на морозъ,
у ней фартужекъ замѳрзъ.
216. Чайникъ, чайникъ, чайничокъ!
прѣхаль мой начальничокъ!
Золотая чашичка,—
прощай, моя милашичка!

*) Т. е. вѣсь.

**) Т. е. праздничекъ.

217. Я навось в' полѣ возилъ,
по дорожкѣ пугалса.
Я, холостивкой мальчишка,
до чего достукалса.
218. Будѣтъ, будѣтъ, покатался
я на ворономъ конѣ.
Будѣтъ, будѣтъ, пошатался
по своей я сторонѣ.
219. Ты, таварка, пѣсни пой:
на тебѣ платокъ чужой,—
новой, необрубленной,
потихоньку купленной.
220. На батистовомъ платочкѣ
вышью наугольничекъ.
Знаю, знаю гдѣ рабѣтать
тава, линь полюбовничекъ.
221. Одѣвайса, одѣвайса,
малиновой кустикъ.
Мо-ѣтъ милицкой умѣнь
славы не проуѣститъ. *)
222. Не далѣко милъ живѣтъ,—
побывать не ходитъ.
Знаю, милъ мина жалѣтъ,
отъ рѣчей отводитъ.
223. Не ходи, милѣй, горой,
не качай ты головой:
станутъ люди замѣчать,
што гуляю я с' тобой.
224. Милицкой Натолечка
постоялъ недолочко.
У васъ—огонь, у насъ—погасъ,
увидятъ,—заругаютъ насъ.
225. Я у милово была,
чай с' канфетами пила,—
безо всяково смѣху:
мина считали за сноху.
226. Я нацѣну платѣ бѣло,—
товарка не указывай.
Придѣтъ милой рядомъ,—
некому не сказывай.
227. Ой, товарка вѣрная,
насмѣятса первая.
Сидишь рядышкомъ со мной,—
сама смѣсса надо мной.
228. В' полѣ—алинкой свѣточикъ,
а я думала—пожаръ.
Ну, какое кому дѣло,
што мальчишко провожалъ.
229. Не плети, товарка, кѣсу,—
не твоя работушка.
За крылечкомъ стоятъ двое,—
не твоя заботушка.
230. Голубой серникъ не жиѣтъ,
ленточкой не вяжотъ.
Штой-то ноче за наротъ,—
чево и не наскажеть.
231. Штой-то нынче за наротъ:
уложили што сказать!
Бутъто я, дѣвчѣнка вольная,
хожу друшка провожалъ.
232. Милка моя,
приманилка моя!
Не успѣла приманить,—
стали люди говорить.
233. Я в' Фотушинѣ гуляла,—
з'гульбы ножиньки болятъ.
С' чернобровьемъ ходила,—
чернобровьемъ корятъ.
234. Пи завидуйте, дѣвчѣнки,
вы сиротскому житью:
Што на улицѣ ни дѣлатса—
всѣ валятъ на сироту.
235. Не шуми, бѣлѣ берѣза:
безъ шумленія листь опалъ.
Не судите, добры люди,
безъ сужденія милъ отсталъ.
236. Я хотѣла быть угрюма,
не хотѣла пѣсни пѣтъ.
Не хотѣлось худой славушки,—
приходится терпѣтъ.
237. Всѣ-то ёлечки, берѣски
по порядочку стоятъ.
Про мина ли про младенку
понапрасну говорятъ.
238. Я в'плетала, в'летаетъ буду
в' кѣсу ленту красную.
Я терпѣла, терпѣтъ буду
славушку напрасную.
239. Милой, милой, милой мой,
третьей годъ корятъ тобой.
Любятъ люди, а не я:
худая слава про мина.
240. Болить ручинька в' кисти,
завежитѣ пальчикъ.
Что хотитѣ—говорите,
по душѣ мнѣ мальчикъ.
241. Косила я на навинѣ,
в' сарафанѣ мамици.
Об' милѣнковы дрова
сарафанъ изорвалъ.
242. Миленькой милѣночекъ
построилъ новой домичекъ.
Онъ построилъ-подрубилъ,
меня навѣки загубилъ.

*) т. е. не пустить худой славы про меня.

243. Мой батистовой платокъ
по лугу валнется.
А мальчишко—дрянь какой—
мною ухвалется.
244. Во зелёной рожицѣ гуляла,
не румяна,—блѣдная.
Вольна пташичка пропѣла:
„Пропадѣшь ты, блѣдная“.
245. Кто читать-писать умѣеть,—
тотъ в' кантору попадѣтъ.
Кто прикашника полюбитъ,—
тотъ навѣки пропадѣтъ.
246. Пот' кошоная травиночка
не можетъ раз'цвѣсти.
Набалована дѣвчѣночка
не можетъ честь вести.
247. Я милашичку любилъ,
ей подарочекъ сулилъ.
Посулить-то—посулилъ,
а купить-то—не купилъ.
248. Золото моё колечко
по дорожкѣ кѣтитса.
Надо мной млѣой смѣтса,
просмѣтса,—хвалитса.
249. Нашла лозовую берѣзку:
можно вѣнички ломать.
Нонче вѣтренки мальчишки:
всѣ умѣютъ заблевать.
250. Не шуми, осина злая,
не мѣшай грибамъ расти.
Оканфуженная дѣвушка
не будетъ на-честь.
251. Всѣ-то ёлочки, берѣзки,—
всѣ порядкомъ стоять.
Не про нашихъ ли дѣвчѣнокъ
худыя рѣчи говорятъ?
252. Всѣ подрушки шьютъ подушки,
а мнѣ надо—дипломатъ.
Всѣ подружки идутъ замужъ,
а мнѣ надо погулять.
253. Дѣвушки, красуйтса,
въ дѣла бабьи не суйтса.
Бабья жизнь не красота,
только сердцу сухота.
254. Сняла маминька икону
и дасть мнѣ цоловать.
Я заплакала сказала:
„Дай годочикъ погулять“.
255. Я рябинушку ломала,
мнѣ сказали: „Зеленѣ“.
Ко мнѣ сваты прѣбжжали,—
имъ сказали: „Молодѣ“.
256. Я рябинушку ломала,—
мнѣ сказали: „Зеленѣ“.
Ко мнѣ сваталса прикашникъ,—
отказали: „Молодѣ“.
257. На колечкѣ—два словечка,
на сердечкѣ ай да, да,
на сердечкѣ ай да, да—
не вѣнчаеть: молода.
Милѣнку двадцать первый готъ,
а мнѣ сѣмнадцатый идѣтъ.
258. Я трековую жекеточку
повѣшу у дверей.
С' милымъ попъ не об'вѣнчаеть,—
об'вѣнчаеть инжерей.
259. Сошью майскую жекеточку,
повѣшу у дверей.
Если попъ не об'вѣнчаеть,—
об'вѣнчаеть анжерей.
260. Вольну пташку не изловишь,
неё в' руки не возмѣшь.
Ну, конечно, не узнаѣшь,
куда замужъ попадѣшь.
261. В' лѣсѣ пташку не изловишь,
её в' руки не возмѣшь.
Ну, конечно, не узнаѣшь,
куда замужъ попадѣшь.
262. Солнце грѣеть лучше печи,—
нашто намъ печь топить.
Жалѣеть млѣой лучше мужа,
намъ пошто замужъ ходить.
263. На вѣточкѣ зелѣнишкой
увянетъ огурецъ.
Молодиньку дѣвчѣночку
поставятъ под' вѣнецъ.
264. Не в' послѣдни ли гуляю,
в' гору пѣ-воду иду?
Не послѣдней ли годочикъ
русу косоньку плету?
265. Я на озими стояла,
с' озимью прощаласа:
„Прощай, озимь и лужокъ,—
„прощай, миленькой дружокъ“.
266. Купи, маминька, па платѣе
ситцу полосатова.
Приди, млѣой, погулять,
пока ни засватана.
267. Моя мама рано встала,
свѣтокъ рано сорвала.
Мое шалости узнала,
рано замужъ отдала.

268. Ни завидуйте, дѣвчѣнки,
моей кофтѣ красинькой.
Знать судьба моя такая,
што мнѣ быть за Сапинькой.
269. Неужели его забудете
во поиншномъ году?
Золотой вѣнецъ надѣвуть
на головушку мою.
В' руки свѣчки дадутъ,
крук' наложъ поведутъ.
270. Неужели вѣсу нѣту?
я осипушку найду.
Неужели ребятъ нѣту?
сиротанушку люблю.
271. Я сломлю, сломлю
в'помошкѣ прутинку.
Полюблю я, полюблю
мальчишко-сиротинку.
Сиротинку не спокину,
за него замужъ уйду.
272. Сошью платьицо—палето,
пазави четыре шва.
Милой свататца прифдетъ,—
я бы с'радостью пошла.
273. Прогодала я гадалкѣ
бѣло платье с'казачкомъ.
Отгадала мнѣ гадалка:
„Будетъ с'милыемъ законъ“.
274. Милой, счастье потеряешь,—
меня замужъ не возьмешь.
Я одинъ годокъ поплачу,
ты—навѣки пропадешь.
275. Ты играй-играй, гармошка,
играй черные мѣха.
Возьму замужъ богомолку,
не отмолитъ ли грѣха.
276. У милова вовой домъ
стоитъ на пол-день окномъ.
Чересъ годикъ буду в'немъ.
Чересъ годикъ, чересъ два
буду милова жена.
277. Не ругайте меня дома,
что по многу хлѣба ѣмъ.
В' мисоѣдѣ выйду замужъ,—
никому ни надоѣмъ.
278. Не брани, мамка, меня
наживесса без'миня:
пблику намоесса,
голоскомъ навоесса,
бѣлья настираесса,
миня напоминаесса,
самоварику настависса,
без'миня намаесса.
279. Размѣту я, размѣту
под'окошкомъ горку.
Посажу я, посажу
берѣску да ѣлку.
280. Етотъ бѣлянкой платочикъ—
мнѣ не по головкѣ:
в' мисоѣдѣ выйду замужъ,—
подарю золовкѣ.
281. Соловей ты, соловей,
гладинька головушка.
У милова есь сестра,—
будетъ мнѣ золовушка.
282. Сходи, мама, на базаръ,
купи золотые бусы:
выйду замужъ за солдата,
выдержаю ѣсы.
283. У милова подъ окошкомъ
талая земелька.
Я пошла бы нонче замужъ,—
не мила семейка.
284. Ты спроси, милѣй, родителей,
желаютъ ли миня.
Ковда невѣсть перебираютъ,
поминаютъ ли миня?
286. Мое личико горитъ,—
знаю, кто миня бранитъ:
бранитъ милынькова мать,
во снохи не хочѣтъ взять.
287. У милова плоха хата,—
на што я позарилась?
Всему роду не мила,—
милому понравилась.
288. Мнѣ жакетки ни шивать,
трековые не нашивать.
Мнѣ за милымъ ни бывать,
парочкой не хаживать.
289. Раскатись моя пол'бнница,
не колоты дрова:
за ково замужъ хотѣлоса,—
судьба не привела.
290. Вейса, вейса, рѣса косонька,
у маминьки родной:
ты успеешь, успеешь
у свекровушки лихой.
291. Я у мамки корки ѣла,—
за работою пѣни пѣла.
У свѣкрови чай пила,—
за столомъ слѣзы лила.

292. Шла-я поломъ-коридоромъ,
пол-сабошки грѣхали.
В' мясоѣдѣ замушь выду.
а вѣсной заохаяу.
От'живу недѣлѣкъ пять,—
какъ бы к' маминькѣ онаць.
От'живу недѣлѣкъ семь,—
какъ бы к' тятипѣкѣ совсѣмъ.
293. Не люби мнѣя, богатой,
когда я не по душѣ.
Не строй каменны полаты,
проживѣмъ мы в'шалашѣ.
294. Вотъ ушла бы нынче замушь,—
нѣтъ по мыслѣ жениха:
либо бѣдень, либо богатъ,
кой по мыслѣ,—тотъ салдать.
295. Што мнѣ замушь торопитса
не за милова друшка.
Лучше в'Шачѣ утонитса
со крутова берешкѣ.
296. Еко горе мушь Григорій!
Хоть бы хуже, да Иваць.
Вы не смѣйтса, дѣвчѣнки,
не привѣль бы Бохъ и вамъ.
297. Не ругайте мнѣя дома
за веселую гульбу:
отойдѣтъ такое время,—
посылайте,—не пойду.
298. Мнѣя дома-га ругаютъ
за веселую гульбу.
Придѣтъ времичко такое:
посылайтѣ,—не пойду.
299. Ни кокушничка кокуеть,
ни соловушокъ поѣтъ,—
родная маминька горюеть:
дочка по-людямъ живѣтъ.
300. Хорошо было сидѣтъ
с'милымъ на завалинкѣ.
Каково было гледѣтъ
маминькѣ в'окошничко!
301. Мнѣя дома-га ругаютъ:
„Съ милѣночкомъ знатса“.
А я с'сѣринькимъ глазѣмъ
не могу рогатса.
302. Мнѣя маминька ругаетъ
за друшкѣ за милова.
Не отвѣчу родной мамѣ
словечка единова.
303. Маминька ругаетса:
„Куда платки дѣваются?“
Нушто не здогадаѣтса,
чьмъ милой утираѣтса.
304. Мнѣя дома-га ругаютъ,—
позно вечеромъ хожу.
А про то онѣ не знаютъ,
што с' карѣхтернымъ сижу.
305. Не ругайте мнѣя дома,
меня нѣ за что ругать:
Я—дѣвчонка молодая,
мнѣ охота погулять.
306. „Ты збираѣсса гулять,“
говорила дочкѣ матъ.
„Нѣтъ, нѣтъ, ни ходи,
„поздно вечеромъ с'двора“.
307. Наши ужинать садятца
сумлеваютца об'васъ,—
„Гдѣ-то буйныя головушки
„шатаютца у насъ“.
308. Дома ужинать садятца,
сумгѣваются об' насъ:
„Гдѣ отчаянныя головушки
„шатаются у насъ“
309. Буду рвать свѣточки алы,
за сябя буду кидать.
Приди милинькой,—послушай:
за тебя будутъ ругать.
310. Маминька, мамашинька,
не ругай за Сашиньку.
Погляди, мамашинька,
хорошой мальчикъ Сашенька.
311. Маминька, мамашинька,
ни браня за Сашиньку.
Маминька, мамашинька,
хорошой мальчикъ Сашинька.
312. Открой, маминька, окошко,
пушшай дуетъ вѣтерокъ:
заиграетъ милъ в'гармошку,
пусть наноситъ голосокъ.
313. Отгонь, маминька, собачку
от' окошка дамочку.
Дай послушать, гдѣ играетъ
милинькой в' тальяночку.
314. Ты, мамаша старая,
самоваръ поставила.
Не успѣла скинцятить,—
ко мнѣ милинькой катить.
315. Говорила мама мнѣ,
когда сидѣли в' домѣ двѣ:
„Не влюбляйса, моѣ дитятко,
есъ не правный онъ тебѣ“.
316. Я надѣну платьѣ бѣло,—
мать мнѣ не указывай.
Пойду съ милымъ гулять,—
тятинькѣ по сказывай.

317. Говорила я мамашъ:
 „Чаю не заваривай.
 „С' кѣмъ сидишь—такъ сиди,
 „со мной не разговаривай“.
318. Миня маминька за милова
 верёвкой хочетъ бить.
 Выду въ сѣнчики, потопая,—
 по низнему не быть.
319. Зимой завели погоды,—
 лѣтомъ за́лило дожжамъ.
 Какъ талыгынскихъ дѣвчѣмонъ
 за ребятъ порють вожжамъ.
320. Не зачосывай зачосы,
 ниваглядная моя:
 за твой гладкй зачосы
 бьютъ молодчика миня.
321. Не зачѣсывай зачѣсы,
 чернобровая моя:
 за твой глаткй зачѣсы
 бьютъ молотчика меня.
322. Бѣлять, бѣлить головá
 отъ осинава колá.
 Ноютъ, воютъ косточки
 отъ желѣзной тросточки.
323. На мнѣ бѣлинкой платочикъ,
 мнѣ-ка милинькой купилъ;
 родной татинька не знаетъ,—
 онъ давно бы взрубилъ.
324. Огонѣкъ горить-сверкаётъ,
 из'окошка в'ототъ конецъ.
 Провожаётъ миня милой,
 и не знаетъ мать-отецъ.
325. Поглежу я в'ту сторонку:
 летить стадо голубей.
 Я с' милѣнкомъ не останусь,
 хоть ты, маминька, убей.
326. Своемъ бѣльемъ платочкамъ
 два шеста увѣшала.
 Будётъ, въ дѣвкахъ посидѣла,
 маминьку потѣшила.
327. Погледи, мамка, в'окошко:
 летить бѣлая сова.
 Протериѣла ноиче заму,—
 понапраснутъ слова.
328. Не гледи, мама, в'окошко,
 не щипай берѣски.
 Выйду замушь за милова,
 не увижу слѣски.
329. Говорила матери:
 „Не пойду на вáторы“,
 говорила на вопросъ:
 „Пойду работать на банбрѣсь“.
 Говорила я отцу:
 „Работать больше не хочу“.
 „Я тому работница,
 „с'кѣмъ гулять охотница“.
340. Лежить мамка на печй,
 а я—на полатихъ,
 Тужить мамка о дѣтяхъ,
 а я—об'робятахъ.
341. Погледи, мама, в'окошко:
 летить стадо голубей.
 Не остану от'милѣво,
 хоть миня, мама, убей.
342. На окошкѣ—два свѣточка,
 на другомъ—стаканъ съ водой.
 Лучше с' маминькой рогатса,
 не чѣмъ, милинькой, с'тобой.
343. Тятъ с'мамой угрожу:
 на лѣто мальчика рожу,
 на лѣто мальчика рожу,
 милѣнка в'няньки приведу.
 Милинькой не водитса,—
 со мной всё хоровадитса.
344. Говорила дочкѣ мать:
 „На полатяхъ, дочка, ликъ“.
 Дочка дѣлать посвоуму,
 устилаеть на полу;
 шубой обьгаетьса,
 к'Вахошкѣ подьгаетьса.
345. Мамкѣ здѣлаю бѣду:
 самокруткой убѣгу,
 тятинкѣ безъ сватанья,
 маминькѣ безъ стряпанья,
 всѣмъ подружкамъ бес'хлопотъ,
 а мнѣ дѣвушкѣ бес'слѣсь.
346. Чтѣ ты, тятинька, не женишь?
 али денегъ у насъ нѣтъ?
 Чтѣ ты сватать, мать, не ѣдешь?
 али дѣвокъ про насъ нѣтъ?
347. Ко мнѣ сваты прѣжжаль,
 тятка в' полѣ сѣялъ рошь.
 „Ничего бы дочкѣ замушь,
 „только муж-отъ не хорошь“.
348. Не шей, маминька, жакетку,—
 шей осеннее пальто.
 Не пойду тихоньку замушь,—
 есь родители на то.

349. Руби, руби, тятинька,
куда древо клопитса.
Отдай, отдай, маминька,
куда замушь хочетса.
350. Заплетала русу косу,—
мальчижь фхаль с' сѣнокосу.
„Погледи-ко, батюшко,
„хорошь ли будеть зятюшко?“.
351. Я чесала русу косу,—
фхаль милой с' сѣнокосу.
„Погледи-ко, батюшко,
„не твой ли это зятюшко?“.
352. Я на тятю и на маму
буду вѣкъ теперь цевать:
дали волю любить Колю,
а теперь—хотить унять.
353. Засвѣчай, мама; огни
идуть промѣливать меня.
Промолили при огнѣ
за ково хотѣлось мнѣ.
354. Ково люблю я, уважаю,
за тово дома бранять.
Ково я в' жизни ненавижу,—
под'вѣнецъ ставить хотять.
355. Поиграла бы я в' тармошку,—
права ручинька болить.
Взялъ бы замушь я милашку,—
тятка с' мамкой не велить.
356. Вы не шейтѣ жакетку майску,
шейтѣ длинной пальто.
Не пойду тихонько замушь,—
есь родители на то:
Вы родители-губители,
губительница-мать:
за ково хотѣлось замушь,
не могли миня оддать.
357. Кто бы, кто бы здогадалса,
нашу фабрику сожокъ:
покамъ новую-то строятъ,—
поживу дома годокъ.
358. Я у маминьки жила,—
головка гладкая была.
В' нянечки поналаса,—
головка растрепаласа.
359. Маменька не рѣдная—
похлѣбочка холодная.
Кабы рѣдная была—
щецъ горячихъ напла.
360. Купи, маминька калони,
я годокъ потѣпаю.
Неужели тебѣ, мама,
и не зарабатую?.
361. Не вино миня мотаеть,—
миня горюшко береть:
тятка в' избу не пуцаеть,
мамка хлѣба не дасть.
362. Не вино меня качаеть,—
меня горюшко береть;
Тятка в' избу не пускаеть,
мамка хлѣба не дасть.
363. Я работала-полола,
услужить тятѣ хотѣла.
А какъ времичко прошло,—
вся работа не во што.
364. Я работала-потѣла,
порачить братьямъ хотѣла.
Чересь это вышло штѣ?—
моя работа не во што.
365. Буду пить холодеу воду
ис' фабричныхъ кубовъ.
Хто завѣлъ такую моду—
рас'проклятую любовь!
366. Не завидуйте, дѣвчѣнки,
вы наряду моему:
полюбила я мальчишка,
а не рада ничему.
367. Ну, понятно, сердцу тошно,
если в'любисса в' ково.
В'любитеса можно однемъ часомъ,
да рѣстатса чижемо.
368. Милой мой, моя отрада,
и сердита на тебя.
Жизни я теперь не рада,
што влюбиласа в' тебя.
369. На горѣ стоитъ аптека,
любовь сушить человекъ.
Не любила—была бѣла;
полюбила—поблѣднѣла.
370. Ни деревня миня сушить,—
миня сушить крайной домъ.
Миня сушить крайной домъ,
туть живѣтъ любезной мой.
371. Какъ подъ Сашинотъ я домъ
подолю воды со льдомъ.
Обо мнѣ Саша не думатъ,
а я высохла об'вемъ.
372. Не одежда миня грѣсть,—
грѣсть маминькина кровь.
Не работа миня сушить,—
сушить милова любовь.
373. Ты, крапива некрасива,
изожгла нѣче миня.
Чернобровинькой мальчишко
годомъ высушил миня.

374. Будеть, будетъ, поревѣла,
полила горячихъ слёсъ.
Никого была не хуже,—
иссушила паршивой пѣсъ.
375. Кабы, млинкой, не ты,—
была бы и безъ сухоты.
Пришла бы я с'работунки,
лёгла бы без'заботушки.
376. Закажу собѣ баретки
и щегрены носки.
Мнѣ лечать от'простуды,—
я хвораю от'тоски.
377. Нѣтъ такой милѣй подружки,
какъ пуховою подушки:
Я поплачу, порвѣю,—
она не скажетъ никому.
378. Соловей сидитъ на вѣткѣ,
утка плавать наводѣ.
Погледи-ко, мой любезной,
какъ я сохну по тебѣ.
По тебѣ, Волошинька,
сохнеть во мнѣ душинька.
379. У милѣва—новой домъ,
тѣсово крылечко.
Какъ загляну на новой домъ,—
заболитъ сердечко.
380. В'Киселѣвѣ на вокзалѣ
повсегда огонь горитъ.
По хорошинькой дѣвчѣнкѣ
повсегда сердце болитъ.
381. Опуцу колечко в'рѣчку,
а печаточкой ко дну.
Колечко тонетъ, не горитъ,—
сердечко ностъ и болитъ.
382. Погаситѣ ету лампу:
понапрасну свѣтъ горитъ.
Разлучитѣ насъ с'милѣнкомъ,—
лучше сердце не болитъ.
383. Чернбровая зазноба
довѣла мнѣ до гроба.
Чѣмъ до гроба доводить
лучше брось мнѣ любить.
384. Мплинькой зазнобинка
довель мнѣ до гробика.
Чѣмъ до гроба доводить,
лучше брось мнѣ любить.
385. Пропадай, моя тѣлега,
всѣ четыре колѣса.
Догорай, моя лучина,
догорю с'тобой и я.
386. Пойте, дѣушки, принѣушки,
а мнѣ ни до того.
Сидитъ мальчикъ через'дѣушку,
болитъ сердце моѣ.
387. С'горки на гору иду,
колечко на воду кладу.
Колечко тонетъ и горитъ,
сердечко ностъ и болитъ.
388. Золотѣ моѣ колечко
позно вечеромъ горитъ.
Ретивѣ мое сердце
только ночью не болитъ.
389. Со здыханьца у дѣушки
бѣлая грутъ болитъ.
Тѣмной починькой не спитса,
бѣлой день не веселитъ.
390. Сѣло солишко за тучи,—
не видать сво в'дыму.
Каждой часъ болитъ сердечко,—
неизвѣстно не кому.
391. Не кокуй, кокушка, в'лѣсѣ,
не боюсь лѣсомъ ийти.
Не играй, милѣй, в'гармошку,
не давай сердцу тоски.
392. Запѣвай, товарка, пѣсню,
я не буду запѣвать:
заболѣло мое сердце,
начинаю тасковать.
393. Поглежу я с'мосту в'рѣчку,—
по песку вода бѣжитъ.
У мнѣ-то у дѣвчѣнки
дума на серцѣ лежитъ.
394. Кто бы, кто бы покосилъ,—
я бы повязала.
Кто бы горюшко спросилъ,—
я бы рассказала.
395. И севодни угорѣла
противъ чѣрнава чѣла.
Я милова не видала
не севодни, не вчара.
396. Што, гармошка, не играешь?
Али топу в'тебѣ нѣтъ?
Што ты, милѣй, не гуляешь?
Али дома тебя нѣтъ?
397. Сошцо скрылоса за тучу,
не видать сво в'дому.
Разболѣлоса сердечко
неизвѣстно кому.
398. Раскудрявая ерѣнь,
на окошкѣ стой, не вянь.
Есь повянешъ,—я полюю.
Милъ уѣдетъ,—я помру.

400. Дай-ко, милой, праву руку:
серцо чувствуёт разлуку.
Серцо чувствуёт и бьётся:
гулять больше не придётся.
401. Я от'скуки—карты в'руки,
короля червьённова.
Ушь я долго ль не увижу
свово черно-бровова.
402. Замячательная парочка
мы, милинькой, съ тобой.
Ты—сторонки, я—другой.
Свиданье рѣткое со мной.
403. Ой, товарки, болитъ грутъ;
рѣткое дыханіе:
съ милымъ—въ разныхъ корпусахъ—
рѣткое свиданіе.
404. Ой, таварки, тошно мнѣ:
не вижу милова не гдѣ
Потошнѣ мнѣ о томъ:
на разныхъ фабрикахъ живёмъ.
405. Хорошо дѣвчѣнки вамъ:
в'одной смѣнѣ милой с'вамъ.
Каково мяѣ-ка одной:
у меня милой дѣнной.
406. Сохнѣтъ в'полошкѣ берѣска,
а я—глядя на неѣ.
На миляхъ Лѣнька работать,
я—симпатія пѣво.
407. Ссвоини чаю не пивала,
самоваръ не ставила.
Давно милова не видала,—
меня скука смаяла.
408. Вотъ змутили гуси воду,—
и песочку не видать.
Живѣтъ милинькой далѣко,
голосочку не слыхать.
409. Милой мой, моя разлука
и платочикъ—у тебя.
Ты возьми платочикъ в'руки
и гляди, какъ на миня.
410. Ни скучай, моя милая,
ты не кидайса въ тоску:
Пришлю денекъ на дорогу,—
пріѣвжай ко мнѣ въ Москву.
411. Дорогая моя Шурочка,
не кидайса въ тоску:
Пришлю денегъ на дорогу,—
пріѣвжай ко мнѣ въ Москву.
412. Какъ моему сердцу не рватса?
ретивому какъ не нытъ?
Жалко с'милымъ раставатса,
еку яготку забыть.
413. Износила бѣло платье
с'бирюзовыемъ свѣтамъ.
Я с'милѣнкомъ раставалася,—
заливаласа слезамъ.
414. Пизабудочку-пѣвточикъ
безо-время сорвала.
Нинагляднинькой мой милинькой
уѣхалъ отъ миня
415. Болитъ, болитъ моѣ серцо,
но иначе—бѣла грутъ.
Скучно жить мнѣ без'милѣва,
но привыкну какъ-нибудь.
416. Незабудочку свѣточикъ
безо время сорвала.
Интересно-етъ*) мальчишичко
уѣхалъ отъ миня.
417. Я кроз'улицу иду,—
иду, я запинаяса.
На милѣва домъ глежу,—
слезами заливаяса.
418. Вѣтеръ дуѣтъ, дошнѣ идѣтъ,—
стало быть—ненасѣ.
Моя мила не со мной,—
стало быть—несчасѣ.
419. Рас'тоскуюсь, раз'горюсь,—
миня нѣ кому унять.
Возму вышитой платочикъ,
стану слѣзы утирать.
420. Хорошо, товарки, вамъ:
стоитъ милые передъ вамъ.
У миня у дѣвушки—
на чужой сторонущкѣ.
421. Ой кручина, ой кручина,
миня с'милымъ разлучила,—
разлудила, развела
чука-дальяя сторона.
422. Ыпнѣ, коровушка, соломушку,
не думай об'травѣ.
Мо-ѣтъ миленькой далѣко,
на чужой на сторонѣ.
423. Рас'тоскуюсь, раз'горююсь,
миня нѣ кому унять.
Быль бы милинькой поближе,—
онъ пришолъ бы погулять.
424. В'Киселѣвѣ на вокзалѣ
день и ночь огонь горитъ.
У милѣнка на могилѣ
кресъ серебряной стоитъ.
425. В'Киселѣвѣ на прядильной
день и ночь огонь горитъ.
У милашки на кладбишнѣ
кресъ серебряной стоитъ.

*) т. е. интересной-отъ.

426. В'полѣ меленки не мелють,
и толкушки ни толкутъ.
Отъ чево друшкѣ не женить?—
всѣ в'салдаты бирѣгутъ.
427. Какъ я поиче похудала,—
сундука не огнереть.
Од'дадутъ друшка в'салдаты,—
буду кажной день ревѣтъ.
428. Пойду, ихожу пѣ-рѣку,—
налонаюсъ чаю.
Повезутъ друшкѣ в'салдаты,—
всѣ причѣты знаю.
429. Я на жердочку погой,—
жерка выгнулась дугой.
Повезутъ друшкѣ в'салдаты,—
я за нимъ буду слугой.
430. У пріёмной я стояла,
говорила господамъ:
„Вы не брей-ко-те милѣнка:
„я на смѣну брата дамъ.“
430. Говорила мнѣ товарка:
„Милой замушъ не возмѣтъ.“
Что не будѣтъ,—я дождуса,
ис'салдаты когда придѣтъ.
431. Задушевная таварка,
чѣрну юпку што не пшѣтъ?
Вотъ, симнатію—на призывъ,—
ко пріёмной в'чѣмъ пойдѣтъ.
432. Не умѣла дѣвица
Вышняво Создателя:
на четыре годика,
видно, об'салдатѣла.
433. Что-то въ лѣсикѣ дымитца,—
ѣдетъ чѣрной пароходъ.
Милой в'лодочку садитца,
отправляетца в'лоходъ.
434. Ой, товарка милая,
отошла памъ линія:
всѣ-то праздники осенни
погуляли мы в'послѣдни.
435. Што, подрушка, не весѣла,
какъ голупка сизая?
Али отдали в'салдаты
твою друшка милова?
436. Што-то бѣло пролетѣло,
на моѣ окошко сѣло.
Бѣлая косаточка
осталась я салдаточка.
437. Мы с'таваркой дружно жили
однопарны ковты шили,—
ковточки со складочкамъ,—
осталиса салдаточкамъ.
438. Мово милова забрили,—
при печалѣ домъ стойтъ.
Два открытые окошга,—
не в'которо не гледить.
439. Мово милова не стало,—
при печалѣ домъ стойтъ.
Всѣ окошичка закрыты,
не в'которо не гледить.
440. Увидала из'окошка
на горѣ высокой сать.
Ниужели ни дождуса
я милѣва из'солдаты.
441. Из'окошка увидала
на горѣ зеленой сать.
Неужели не дождуса
я милѣва ис'салдаты.
442. Мнѣ севодни сонъ приснилса:
голова ворожья.
Мово милова приплють
по слабостѣ здоровья.
443. Милъ уѣхалъ, милъ оставилъ
миля кивареечку.
Милъ пріѣдетъ, милъ полюбитъ
в'городѣ евреечку.
444. Спомни, милой, обо мнѣ
въ отдалѣнной сторонѣ.
Хоть не вмѣстѣ будемъ жить,
а письма стануть намъ служить.
445. В'чисто зеркальцо глежуса
и дивлюся на лицо.
Жду я в'сточки отъ друга,
не пришлѣтъ ли писмецо.
446. Перекину я бутылку
черезъ высокое крыльцо.
Ни стоскуютса ли милинькой,
пришлѣтъ мнѣ писмецо.
447. Часто в'зеркало глежуса,
на лицо своё гляжу.
Не стоскуетса ли милой,
не пришлѣтъ ли писмецо.
448. Купи, тятинька, лчменцы
сизо-крыльмиъ голубимъ.
Пришли, милинькой, записку
съ надежнымъ людімъ.
449. Не с'полдень ли вѣтеръ дуетъ,
не с'востоку ли несѣтъ?
Не письмо ли милой пишеть,
не на почту ли владѣтъ?
450. Нанишу записочку
на фабричку мальчишичку.
Нанишу я цѣлый лись
про свою несчастчу жись.

451. Милой письмаца писалъ,
на паратно крыльцо клалъ.
Не писалось мнѣ и не ѡлось,—
прочитать всё ихъ хотѣлось.
452. Милой в'карточки играётъ,
потерялъ бубновой тусъ.
Таваркѣ письма присылаётъ,
а мнѣ дѣвушкѣ—канфусъ.
453. Полетѣли двѣ вороны
въ разные сторобошки.
Мнѣ милѣя шлѣтъ письмо
со чужой сторонушки.
454. Соймись, милой, на патреть,
заверни ево въ канвертъ.
Прилѣпи двѣ марочки,
пришли-ко мнѣ въ подарочки.
455. Износила платье бѣло
[или: износила бѣлу ковту]
Киселѣскаво *) питья:
каждой день хожу по пѣшту,—
[или:... на пѣшту]
жду отъ милова письма.
456. Матушки-воробышки,
летите выше небушка,—
летите выше небушка,
гдѣ живѣтъ зазнобушка.
457. Писмецо-то я писала,
сиргучомъ печатала.
Милѣму в'Вильцу отсылала,—
сама слѣзно плакала.
458. Стой машина! стой вагонъ!
Пошлю милому поклонъ.
Чѣмъ поклоны посылать,—
лучше съѣздить побывать.
459. Стой, машина! стой, вагонъ!
Пошлю милому поклонъ..
Я съ поклономъ подошла,—
машина свистнула-пошла.
460. Сяду дома я на лѣфку,
на-груть руки положу.
До чѣво милѣй доводить,—
едва по-полу хожу.
461. Сяду в'корпусѣ на ящикъ,
ручки к'серцу приложу.
Вотъ, довелъ миля мальчишко:
едва корпусомъ хожу.
462. Милая Аяюточка,
сидѣть одну минуточку.
Сердечко-камень у тебя:
сидишь—не взглянешъ на миля.
463. Я не думалъ и не чаялъ
нынче году пережить.
Только думалъ, только чаялъ
руки на грудь положить.
464. Не съ морозу ли рябина
кисточки повѣсила?
Не съ печали ли дѣвчѣнка
голову повѣсила?
465. Коковали двѣ кокушки
в'полюшкѣ на кáмишеѣ.
Горевали двѣ подрушки
по друшкѣ Иванушкѣ.
466. Двѣ кукушки коковали
въ полюшкѣ на кáмишкѣ.
Двѣ дѣвчонки тосковали
по дружкѣ Иванушкѣ.
467. Вы послушайте, дѣвчѣнки:
день и ночь пѣсни пою.
Ну, родители, чай, думаютъ,
што весело живу.
Ну, какая моя жисть,—
хоть живѣ в'землю лажисть.
468. Не кокуй, кокушка, в'лѣсѣ
на осинѣ проклятой.
Сятъ на бѣлую берѣзу,
кокуй горькой сиротой.
469. Я не думаю, не чаю
попче годикъ проводить.
Только думаю и чаю
руки на грудь положить.
470. Растоскуюсь-разгорюсь,
меня нѣкому унять.
Выну милова платочикѣ,
стану слѣзы утирать.
471. На гулянкѣ двѣ тальянки
не утѣшили миля.
Кровать нѣва безъ милѣва
не привѣтила миля.
472. Боже мой, тоска какая!
Куда бы я дѣваласа!
Если бы милова суди,—
вся бы миновалоса.
473. Ахъ, какая мнѣ тоска,
кудѣ бы я дѣваласа!
Какъ бы милова суда,—
тоска бы миноваласа.
474. Ека, дѣвушки, тоска!
куда бы я дѣваласа.
Какъ бы милово суди;
всѣ бы миновалоса.

*) Т. е. Киселевскаго, изъ Киселева.

475. Соловей сидитъ на вѣткѣ,
утка плѣвать на водѣ.
Много разъ я говорилъ дѣвчѣнкѣ,
что не сохни обо мнѣ.
476. Што ты смотришь на миня,
таварка, не мигаючи.
Пожалѣй-ко ты миня,
по себѣ гадаючи.
477. Што, таварка, не весѣла,
али нѣ серцѣ печаль?
Не одново ли съ тобой любимъ,
не ѣво ли тебѣ жаль?
478. Будеть, будетъ пофорсила:
бѣлы бусы поносила.
Бѣлы бусы, какъ горохъ,—
мой милѣнокъ не здоровъ.
479. Погледи-ко-те, дѣвчѣнки,
кто-то топеть на рикѣ,—
вѣблѣой вышитой рубашкѣ
и тальяночка вѣрукѣ.
Милѣой тонеть-погибаеть,
а тальяночка играеть.
480. На высокою горѣ
есть высокѣ ёлочка.
Не повѣрю вамъ, товарки,
что не жаль милѣночка.
481. Я вѣлѣсу грибы брала,
понравиласа ёлочка.
Не повѣрю вамъ, дѣвчѣнки,
что не жаль милѣночка.
482. Неужели ты завянешь,
травушка шолкѣвая?
Неужели не вспомянешь,
мила чернѣбровая?
- 483а. Неужели ты повянешь,
травонька шелкѣвая?
Неужели ты забудешь,
дура бестолкѣвая?
483. Что-то вѣрѣякѣ всколыхнулось,—
знать утѣнокъ потонуль.
Что-то дѣвчицѣ икнулось,—
знать милѣнокъ вспомянуль.
484. Я работала угрюмо
и гледѣла на часы.
Чево ждётъ моѣ сердечко,
лучше, милѣой, расскажи.
485. Неужели не потонеть
мой платочикъ потной?
Неужели не помянетъ
милѣой беззаботной?
486. Высоко солнышко взошло,—
ты сѣяй, колечко!
Неужели не болитъ
у милѣова сердечко?
487. У милѣова на двуряткѣ
сверьху новая доска.
Пападай-ко на милѣво
со всему свѣту тоска.
488. Вотъ посѣю грусь-тоску
на Толпыгинскомъ мосту.
Мой милѣнокъ-отъ придетъ,
на него тоска придетъ.
489. Ни на то данѣ колечко,
што вѣкоробочкѣ лежать.
Ни тако моѣ сердечко,
што милѣнка уважать.
490. Загранишному платочку
нѣту мѣста вѣсундучкѣ.
А мнѣ сволочѣ-дѣвчѣнкѣ
нѣтъ мальчишка по душѣ.
491. Изъ лица я не красива,
зѣгласъ, похотки—весѣла.
Черно-бровѣва мальчишка
я до грѣба довѣла.
492. Огоротъ на глинушку
посажу ребинушку.
Завлеку,—любить не буду:
пуцай ходить зимушку.
493. Дамъ я ходу пароходу,—
будеть по-мѣрю ходить.
Заколдую я мальчишка,—
будеть до-вѣку любить.
494. Дайте ходу пароходу:
будеть по-мѣрю ходити
Напуцу тоску на милѣова:
засегда будетъ любить.
495. Вѣлу юбочку крахмалъну
на берѣску вывишу.
Я своѣ-то ли милѣнка
безъ любви высушу.
496. Ты, милашка, Богъ съ тобой,
не буду гнатса за тобой.
Не буду гнатса за тобой:
у тебя вѣтъ естъ другой.
497. День я, день везала,—
день пѣточки ставила.
Интереснова мальчишка
сиротѣй оставила.
498. Хорошо ли уткѣ плавать
во холодной водѣ быть?
Хорошо ли тебѣ, милинькой,
вѣразлукѣ со мной быть.

499. Неужели не сольётся,
с'горь не скáтитса вода?
Неужели не помянетъ
миня мѣла никогда?
500. Милая сироточка,
посиди минуточку.
Сердечко камено у тебя,—
сидишь—не зглянешь на миня.
501. Ты, милашичка моя,
сердцо—камень у тебл.
Сердцо—камень у тебл,
сидишь—не зглянешь на миня.
502. Чтой-то нынче за цыплята:
сыплю, сыплю—не клюютъ.
Чтой-то нынче за дѣвчѣпки:
обесчають, да пейдутъ. *)
503. Оушу колечко с'горки,—
пуцай покатаетса.
За милѣнка замушъ не пойду я,—
пуцай пошатаетса.
504. Што за вѣтеръ, что за буйной:
ковда дуѣтъ, ковда—вѣтъ.
Што за дѣвки, што за дуры:
ковда любить, ковда—пѣтъ.
Ковда любятъ—уважаю,
а то—къ чорту посылаю.
505. Я с'орѣхова кусточка
два листочка сорвалѣ.
Я своему-то интересу
правой ручки ни далѣ.
506. Гармошка красно-мѣхал,
дѣвчѣнка с'пола ѣхала,
покачала головой:
„Не поѣдемъ, пѣсь, с'тобой“.
507. Рубашка бѣла под'ремень.
Провожалъ меня,—ревѣлъ.
Онъ ешшо бы поревѣлъ,
да товаришшъ не велѣлъ.
508. На Толпыгинской горѣ
телифонъ устроилса.
Походилъ за мной мальчишко,—
только беспокоилса.
509. Одна пѣсенка приѣблса,—
я другую запою.
Етотъ милой пригледѣлса,—
я другова полюблю.
510. Всѣ платочки износила,—
остаетса одна шаль.
Всѣхъ хорошихъ прилюбила,—
остаетса одна шваль.
511. Шла я низомъ прѣдильной,
сидить мальчишка въ тѣ-
бельной,
машетъ бѣлинькимъ платочкомъ:
„Посиди со мной ряткомъ“.
Я мальчишку на отвѣтъ:
„Не сяду, мальчикъ, с'тобой
вѣкъ“.
512. На Толпыгинской горѣ,
двоѣ спорятъ обо мнѣ.
Што робята споритѣ?—
вы миня не стоитѣ.
513. У милѣва чѣрны брови,—
чѣрны какъ у ворона.
Ожидай, мой ненаглядной,
раставанья скорова.
514. Дайте с'горочки спуститьца,
ключевой воды достать.
Дайте с'милочкой проститьца
отъ нее мнѣ какъ отстать!
515. Вы не всѣ, свѣточки, вяньте,—
хоть (или: хошъ) одинъ
позеленѣй.
Вы не всѣ, дѣвки, ругайте,—
хоть (или: хошъ) одна да
пожалѣй.
516. Не придѣтца никому
любить милашечку мою.
Вотъ, придѣтца всё тому,—
мнѣ мальчишку одному.
517. Черезъ блюдку слѣзки льются,—
мнѣ ихъ чаемъ не запить.
Мнѣ свою-ту ли милую
во вѣки не забыть.
518. Не запить мнѣ это горюшко
не пивомъ, не виномъ.
Не забыть мнѣ милую
не лѣтомъ, не зимой.
519. Я курилъ, курилъ махорку,
а теперъ—простой табакъ.
Я любилъ, любилъ дѣвчѣнку,
а теперя—шляюсь такъ.
520. Я дѣвчѣнку полюбилъ,
ей на ковточку купилъ.
Стала ковточку носить,
миня мальчика хвалить.
521. Какъ у Саньки деньги ёсть,
я не знаю, какъ подлѣсть.
На колѣнки припаду,
всѣ денжонки украду,
всѣ денжонки украду,
поцѣлую—прочъ уйду.

*) Т. е. замужъ.

521. Какъ мнѣ пѣсенки не пѣть?—
голосъ позволяётъ.
Какъ мнѣ милку не любить?—
почтенья присылаётъ.
522. Трудно, трудно с'яни моря
со дна камешокъ достать.
Вотъ, труднѣе у милѡва
любовь на сердцѣ узнать.
523. Не ходи, милѡй, болотомъ:
дипломатъ загрязнишь.
Скажи, милѡй, чистой правдой,
любишь али дрязнишь?
524. Милый мой, галошъ не мой,—
галоши вымыла водой;
вытерла суконочкой,—
не смѣйся надъ дѣвчѣночкой.
525. Сядетъ милѡй со мной рядомъ,
говорить: „Люблю тебя“.
Отвернѣтся, засмѣется,
точно глупиновка я.
526. На руцѣ колечко лѣтъца,
точно свѣжая вода.
Надо мной милѡй смѣтца,—
это чистая бѣда.
227. Поглежу я смосту в'рѣчку,—
в'рѣчкѣ мутная вода.
Надо мной милѡй смѣтца,—
это чистая бѣда.
528. Шла я подомъ коллдоромъ,—
половѣчка гнѣтца.
Хотѣлъ милѡй насмѣять,—
топерь не придѣтца.
529. На столѣ стоятъ подевѣшникъ,
моѣтъ милиновкой насмѣш-
никъ.
Ему раньше былъ почѣтъ,
а топерь—паршивой чѣртъ.
530. Нашо полюшко камнисто,—
нельзя в'нѣмъ боронить.
Наши мальчики капризны,—
нельзя слова говорить.
531. Что ты, милѡй, зазнаѣсса
со своею красотой?
Ты—красивъ, я—не красива,—
не гопись за тобой.
532. В'огородѣ макъ ростѣтъ,
еко украшеніе!
Небольшова мальчикъ расту,—
любить уваженіе.
533. Што ты, милѡй, зазнаѣсса:
вѣтъ почѣтъ-отъ намъ одинъ.
Хоть я—дѣвушка фабрична,
вѣтъ и ты—не дворянинъ.
534. Что ты, милѡй, зазнаѣсса,
у миня—ты не одинъ.
Я—фабришная дѣвчѣнка,
вѣтъ и ты—не господишь.
535. Что ты, милѡй, зазнаѣсса,
надо мной куражисса?
Много, лутче и красивѣй,
за мной мальчикъ вѣзнетца.
536. Стало солнце закатѣтца,
стало краснѡ заходить.
Стала милѡ заснаватца,
стала губу надувать.
Что ты, милѡ, дѣуешса,
при народѣ плюешса.
537. Ужъ какъ Яклиско *) на горкѣ,
на крутоемъ берегу.
Что за сволочъ за мальчишко!
Я потрафить не могу.
538. Чай пилѣ я, пѣсни пѣла,
голосъ раздаѣтца.
Подошла к'свому милѣнку,—
стерво, зазнаѣтца.
539. Шла я лѣсомъ, пѣсни пѣла,—
в'лѣсу раздаѣтца:
Подошла к'друшку блizenько,—
а онъ—зазнаѣтца.
540. Шла я лѣсомъ, пѣсни пѣла,—
голосъ раздаѣтца.
Подошла к'свому милѣнку,—
сволочъ зазнаѣтца.
541. Мнѣ сказали дѣвушки:
„Нѣтъ в'полѣ погодушки“.
Вышелъ я во полюшко—
повила погодушка.
542. Были, были снѣжки бѣлы,
а потомъ—ростаяли.
Мою милѡую хвалили,
а потомъ росхаяли.
543. Снѣжки таютъ, снѣжки таютъ,
снѣжки ужъ розтаяли.
Полюбилъ я милашичку,—
товарищи разхаяли.
544. На кудрявую рябину
скоро ляжетъ большой доштъ
Всѣ подружки друшка хаютъ,
а мнѣ кажется хорошъ.
545. Под'окошничкомъ сидѣла,
шила бѣлой фартучѣтъ.
Всѣ мнѣ правду говорили,
што карѣхтерной дружокъ.

*) Т. е. Яковлевское, фабричное село.

546. Большой милой не согласной
только вѣнчики везать.
Каждой вечеръ провожаетъ,—
не сумѣеть што сказать.
547. Двѣ берѣски стоятъ рядомъ,
милой портить себя згля-
домъ.
На нароть всурьёсь глядять
и маѣ дѣвчѣнкѣ такъ ве-
литъ.
548. Ни гледи милѣй, в'окошко,
чѣрны брови не кажи.
Лучше выди на крылечко,
слово ласково скажи.
549. У милѣва подѣ окошкѣмъ
выросъ частой ельничъ.
На лицо милѣй хорошъ,
на рѣчахъ—бездѣльничъ.
550. Посадила в'полѣ луку,
думала:—не горькой.
Полюбила я милѣнка,
думала:—не бойкой.
Лучикъ горекъ и перисъ,
милѣй боекъ и форсисъ.
551. Я бы знала своѣ счастье,—
я бы не редилася.
Я бы знала в'милѣмъ совѣсь,—
я бы не влюбила.
552. Самѣ я, дѣвки, не бѣла,—
люблю бѣловѣтова.
Не люблю такую розиню,—
люблю варѣвѣтова.
553. Погаситѣ ету ланпу
с'етимъ абажурчикѣмъ.
Я не буду заниматся
седакимъ мазурикомъ.
554. Я не буду теперь вѣрить
чернобровинькой тебѣ.
Ранше вѣрила,—не знала
такой совѣсти в'тебѣ.
555. Чево стоишь, чево глядишь,
чево ты дожидаесся.
Ни пойду я замужъ за тебя,—
ты пьяной напиваесся.
556. Сошью платицо на лѣто
с'одинаковой бѣй.
Цѣлой готъ с'милѣмъ гуляла,—
не видала, што кривой.
557. Чересъ полѣ вижу Олю,
черезъ рѣчку—Сашиньку.
Чересъ тонинькой лѣсокъ
слышу Сашинъ голоскъ.
558. Было дѣвушекъ четыре,
а тепериче—одна.
Перва мила вышла замужъ,
а вторая—померла.
Третью милу я зарѣзалъ,
а четверга—у миня.
559. Не завидуйте, дѣвчѣнкѣ,
антиресу моему.
Завелоса двѣ охоты,—
и не рада некому.
560. Ты, гармошка повалъ,
дѣвчѣнка чернобровалъ!
Черноброва, черноглаза
полюбила двоихъ сразу.
561. Сошью ковточку на ватѣ,
а другую—на мѣху.
Одново люблю для чести,
а другово—для смѣху.
562. Роспашу я, роспашу
за рѣкой полянку.
За красу я люблю Сашу,—
Пашу—за тальинку.
563. У миня милѣнковъ девять;
я не знаю, что с'нимъ
дѣлать.
Восемь брошу, позабуду;
девятиво любить буду.
564. Люблю Колю для вѣру,
Сашу—для увѣрности.
А Ванюшку—для тово:
желаю вѣчно быть ѣво.
565. Мой батистовой платокъ
обошелъ ребять пятокъ.
Какъ въ шестому-то попалъ,—
мой батистовой пропалъ.
566. Что я лѣсомъ ни ходила,—
крѣпче дуба ни нашла.
Что милыхъ ни любила,—
опять к'етому пришла.
567. Сколько лѣсомъ не ходила,
крѣпче дубу не нашла.
Сколько милыхъ не любила,—
лучче Вани не нашла.
568. Задушевная, таварка,
мы гуляли по полямъ.
Шикаладные канфеточки
дѣлили пополамъ.
569. Не найдѣшь такой берѣзки,
чтобы дождъ не проливалъ.
Нѣтъ такова интереса,
чтобы вѣкъ не забывалъ.

570. Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ,—
дуетъ не по лѣтнему.
Любить, любить мнѣ милой,—
любить не по прежнему.
571. Чтò за вѣтеръ, чтò за буйной:
когда дуетъ, когда—нѣтъ!
Чтò за милой, за хорошей:
когда любить, когда—нѣтъ.
572. Мнѣ солнышко не грѣеть,
надъ головушкой туманъ.
Мнѣ милой не жалѣеть,—
я скажу, товарки, вамъ.
573. Не свѣти-ко, свѣтокъ алой,—
свѣти огурѣшной.
Не надѣюсь на милѣнка:
онъ—не виковѣшной.
574. У молодинькой дѣвчѣнки
разыгралась в'лицѣ кровь.
За пол-года серпо слышитъ:
с'милымъ кончится любовь.
575. Въ морѣ пѣна закипѣла:
будетъ с'милымъ перемѣна.
Разгоралась в'лицѣ кровь:
с'милымъ кончится любовь.
576. Скоро рѣсонька настанетъ,
солнышко закѣтитса.
Отъ мнѣ милой отстанетъ,
на какѣ накѣтитса.
577. На берѣскѣ листокъ вянетъ,—
видно лѣтничко прошло.
На мнѣ милой не зглянетъ,—
видно время отошло.
578. Вьѣтса соколъ надъ осокой,—
вольна пташка надо мной.
Отошло такое время,
походилъ милой за мной.
579. Заварю я мятныхъ капель,
дамъ я милому попить.
Вотъ, не будетъ ли, не станетъ ли
попрежнему любить?
580. Говорятъ, платокъ—к'разлукѣ;
ето—правда для мнѣ.
Отнялъ мнѣ платочикъ,—
позабылъ скоро мнѣ.
581. Я с' милѣночкомъ гуляла
свѣтлы майски вичера.
Чтò я с'милымъ говорила,—
воротилъ бы тѣ слова.
582. Хотѣлъ мальчикъ вѣренъ бытъ,
хотѣлъ вѣкъ мнѣ любить.
Свое слово измѣнилъ:
одно лѣтничко любилъ.
583. Милой—с' горки, я—вдогонку:
думала ворѣтитса,—
думала ворѣтитса,
ешно годокъ повѣдитса.
584. Подѣмъ, товарка, по брусницу,
наберѣмъ бѣлыхъ грибовъ.
Я скажу тебѣ, товарка,
с' милымъ кончилась лю-
бовь.
585. Милая подружинка,
воды одна калужинка.
Ямочка подрытая,
любовь с' милымъ забытая.
586. Я телѣночка манила,—
бѣлу юбку обмочила.
Што-то здѣлалось телѣнку:
онъ не сталъ домой ходить.
Што-то здѣлалось милѣнку:
онъ не сталъ мнѣ любить.
587. Я работала у стѣнки,
а теперя—у окна.
Я ходила с'провожатымъ,
а теперъ—хожу одна.
588. Поглядѣлъ бы на милѣнка,
што онъ дѣлаетъ теперъ.
Щи хлѣбаѣтъ, кашу ѣстъ,
бѣлымъ вытараскалъ, какъ
бѣстъ.
589. Поглядѣлъ бы на милова,
што теперъ онъ дѣлаетъ.
В'бѣлой вышитой рубашкѣ
гдѣ-небудъ да бѣгаѣтъ.
590. На Толпыгинскомъ лугу
солнышко сѣяетъ.
Посмотрѣлъ бы на милую—
с' кѣмъ она гуляѣтъ.
591. По чужому наговору
должна милова забыть.
По своему-то ретивому
мнѣ до гроба не забыть.
592. По чужому наговору
друшка брошу я любить.
А по своему-то ретивому
мнѣ до гроба не забыть.
593. Пасадила я свѣточковъ,—
надо чаемъ поливать.
Пришло времичко такое,—
надо друшка забывать.
594. Много слѣзъ я пролила
в' пухову подушку:
надо с' милымъ раставатса,
забывать другъ друшку.

595. Не сіяётъ, не горитъ
золотó колечко.
Неужели не болитъ
у милова сердечко?
596. Чёрну ленточку печальну
мнѣ придѣтся заплетать.
Чернобровова мальчишка
мнѣ придѣтся забывать.
597. Чорну юбочку печальную
придѣтся надѣвать.
Тебя, милицкой-хорошинькой,
придѣтся забывать.
598. Я надѣну платье бѣло,
платокъ чёрной повяжу.
Я с' такой большой досады
в'егомъ траурѣ хожу.
599. Таварка хитра-перехитра
стоитъ возлѣ миня.
Самой до страсти друшка жалко,
а коритъ всегда миня.
600. Ты, таварка, не печальса
и угрюмая не быть.
Возьми в'голову вниманье,
свово милова забыть.
601. Двѣ кокушки коковали:
имъ охотно коковать.
Мы с' таваркой тосковали:
трудно милыхъ забывать.
602. Ой, таварка тайная,
что сидишь печальная?
— Какъ мнѣ не печалитса:
любовь с' милымъ кончается.
603. Запѣвай, таварка, пѣсню
самую угрюмую:
хлѣба-соли я лишаюсь,—
по мальчишкѣ думаю.
604. Страдаю день, страдаю два,
страдаю всю недѣлю я,
страдаю, рашпибаюса:
ково люблю—лишалоса.
605. Чай пилá—жара была.
Окошичко открыла я.
Окошичко скрипнуло,
кукушничка скрикнула.
Не кукуй, кукушка, здѣсь:
без' тебя горюшко есь.
606. Ой, товарочка моя,
поуговаривай миня:
не сотти бы мнѣ с' ума,
не сотти бы от' того,—
сама ты знаешь от' чево.
607. Што, подрушка, глядишь в'рожу,
глядяишь не мигаючи?
Я повѣрю, жаль милова,
по себѣ гадаючи.
608. Улетѣла пташка вдаль,
топерь милова не жаль.
Сѣла к' кусту не к' тому,—
топерь милой никчему.
609. Лети, кокушка, лети в'даль (?)
топерь милова не жаль.
Сятъ х'кусточку да х'тому,
топеря милой ни к' чему.
610. Улетѣли пташки в'даль,
стало милова не жаль.
Сѣла к' кусту не к' тому:
топерь мальчиши не
к' чему.
611. Голупка, лебедь бѣла,
мнѣ женитса не велѣла.
По головкѣ гладила,
в' офицеры ладила.
612. Я рогатую скотину
на рѣку ганяла пить.
Я свово-то ли милова
не кому не дамъ любить.
613. Я батистовой платочикъ
разрывала пополамъ.
Сама с' милымъ не гуляю,—
и товарочкѣ не дамъ.
614. Ты милажка, свѣтикъ мой,
вѣтка огурешная,
ни надѣйса на миня,
я ни виговѣшной.
615. Ты ли миня, я ли тея
изсупила?
ты ли миня, я ли тея
извелá?
616. Ты ли миня, я ли тея
— изъ кумпáна?
ты ли миня, я ли тея
— изъ ведра.
617. Куда, милой, собираесса
и тросточку берѣшь?
Фурашку бѣлу надѣваешь,—
знать спокинуть миня хошь.
618. На берѣзѣ листьокъ вянетъ:
видно, лѣтичко прошло.
Ко мнѣ милинская не ходить:
видно, время отошло.

619. Когда милюшкой ходилъ,
тропинки были торные.
Ходить милой пересталъ,—
топерь грязи полные.
620. Течётъ рѣчка по песочку,—
такъ и жизнь моя пройдётъ.
Не надѣюсь на мальчишка:
кто-нибудь да отобѣтъ.
621. Милой мой, теперь насъ двѣ:
ты здохнёшь,—я пофторю.
Но, понятно, сердце скажетъ:
„Одного тебя люблю“.
622. Что, товарка, невсёла?
Развѣ на сердце печаль?
Не одново ли с' тобой любимъ,
не ёво ли тебѣ жалъ?
623. Опушу колечко в'воду
я печаточкой ко дну.
Скажи, милой, повѣрнѣ:
любишь двухъ или одну?
624. Уважала, уважала,
уваженьицо не в'чесь.
И в'отвѣтъ ему сказала:
„У тебя другая есь“.
625. Милой Сапа, воля ваша,
хоть люби, хоть ни любн.
Наговаривать таварка,—
на неё ты ни гляди.
626. Задушевный мой товарищъ,
съ одной ложки пилъ и
в'ль!
Каку досаду ты мнѣ здѣлалъ:
с' моей дѣвчёнкой рядомъ
сѣлъ.
627. Всю я ночку не уснула
на перинѣ пуховой:
увидала, не стерпѣла,
с' кѣмъ гуляетъ милой мой.
628. Говорятъ, кольцо к' разлукѣ.
Я нарочно два отдамъ.
Не кольцо насъ разлучаетъ,
а злодѣйка—между намъ.
629. Что это за лужица,—
голубокъ купается.
Какой с' милымъ антересъ,—
с' каждой заимается.
630. Всѣ свѣточки въ полѣ вянутъ,—
разсвѣтаетъ свѣрбобѣ.
Не горюй, моя таварка:
не пойду на перебой.
631. Что, товарка, невсёла?
что-то на сердце тайшь.
Про милѣва много знаешь,—
ничего не говоришь.
632. Лягу милому на плечико,
вздохну я чижело:
„Чирно-бровинькой, мой милюш-
кой,
„спокинуль на ково“.
623. Лягу к' милому на плечико,
здохну я чижало.
Интересную дѣвчёночку
оставилъ на ково.
634. Жалко, жалко полушалка:
выгораетъ голубой.
Жалко, жалко мнѣ мальчишка:
ударяетъ за другой.
635. Погасите нѣву лампу:
понапрасну свѣтъ горить.
Рассадите ету пару:
лучше сердце не болить.
636. Закажу себѣ колечко
ис' стариннова гроша.
За другой мальчишко ходить,—
видно, я не хороша.
537. Сошью платьицо себѣ,—
бѣлое на лѣто.
Милой ходить за другой,—
сукнинь сынъ за ето!
638. Товарка хитра-перехитра
перехитрила миня:
ненагляднинькова мальчишка
отбила у миня.
639. В'саду яблонца повяла,—
чиремошка расцвѣла.
Задушевная подрушка
миня с' милымъ развела.
640. Я пила холодну воду
из' ведѣрка крушкой.
Не за мной милёнокъ ходить,—
за моей подрушкой.
641. Антиресные-то письма
и по почтѣ не летять.
На твою, милѣй, симпашку
моѣ гласки не глядять.
642. Милой мой! з' законнымъ бра-
комъ.
— „Шутишь, милая моя.“
Ну, какія, милой, шутки:
забыль дѣвушку миня.

643. Моётъ милой укосѣлъ,
в'чужой барошнѣ подсеѣлъ.
Я не долго думала:
 подошла, да плюнула.
644. Задушевной мой товаришъ
с'одной лошки пилъ и ѣлъ.
Вотъ, такъ досаду здѣлалъ:
 с'моей милашкой рядомъ
 сѣлъ.
645. Миня били-колотили,
в' чистомъ полѣ на
 пескахъ.
Изломали мнѣ головушку
в' двѣнадцати мѣстахъ.
646. Всѣ свѣточки поблѣкають,
 рассвѣтаетъ сироборъ.
Моётъ милой другу любить,
ни пойду на пиребой.
647. Из' под' мбсту—рыба съ хвб-
 стомъ,
 уточка—съ утятими.
Говорила мнѣ милѣя:
 „Не гуляй с'женатыми,
 „а гуляй съ холостымъ
 „и со дѣвушкамъ простымъ“.
648. Всѣ таварочки гуляють,—
 только мнѣ—не до тово.
Сидитъ мальчикъ чирезъ дѣ-
 вушку,—
 болитъ серцо моѣ.
649. Под'окномъ берёска вянетъ,
а я,—глядя на неё.
Моётъ милой другу любить,
видно, хуже я неё.
650. Всѣ свѣточки приклекають,—
 рассвѣтаетъ свиробой.
Отъ миня друшка отбили,—
 не пойду на-перебой.
651. Ни спала я, такъ лежала
на подушкѣ пиряной.
Я успѣла, догледѣла,
с'къмъ гуляетъ милой мой.
652. На толпыгинской горѣ
солнышко сияетъ.
Поглядѣлъ бы на дѣвчѣнку,
с'къмъ она гуляетъ.
653. У милова кудри выюса,—
я не буду разбивать.
За другой мой милой ходить,—
я не буду разбивать.
654. Интересные-то письма
черезъ почту не летятъ.
На твою, милбй, зазную
 мои гласки не глядятъ.
655. Чорную смородину
знаю кто воруетъ.
Чернобровова милова
 знаю хто полуетъ.
656. Не летай-ко-тѣ, косаточки,—
вы мнѣ не по пути.
Изорвалъ ли мой платочикъ
 весь на мелки лоскутки.
657. День я жала, день везала,
 день пятёчки ставила.
Я свово-то ли милова
 сиротой оставила.
658. Опущшу колечко в'воду,—
 пусъ оно катаетса.
От'ступлюса отъ миланки,—
 пусъ она шатаетса.
659. На гармонь платомъ певѣшу,
а другимъ—загорожу.
Не форси, моя милѣя:
 я тобой не дорожу.
660. Не хочу я чаю пить:
 вода возмучбная.
Не хочу тебя любить,
 дура неучбная.
661. У милѣнка домъ высокъ,
под'окошникомъ пѣсокъ,
Милой ходитъ по пѣску,
 нагоняетъ мнѣ тоску.
662. Какъ толпыгинска малина
завсегда гулять манила.
По тропинкѣ—лебеда,—
 топерь не попаду туда.
663. Головинская малина
завсегда гулять манила;
По дорогамъ лебеда—
 топерь нешто туда.
664. Шоль я рѣчкой, краешкомъ,
 кидалъ въ милашку камеш-
 комъ,
Мнѣ хотѣлося убить,
 да другую полюбить.
665. Сброкъ ёлекъ съ ёлочкой,—
 ходилъ я съ дѣвчѣночкой.
Мнѣ хотѣлося убить,
 да другую полюбить.

666. Шла я лѣсомъ крайшкѡмъ,
квдала въ друшкѣ камш-
комъ.
- Мнѣ хотѣлося убити,
да другово полюбити.
Его мнѣ не уоилося,—
(или: мнѣ ко не убилоса,—)
ещо больше я влюбилася
(или:... влюбилоса).
667. Часто въ горенкѣ метуса,
на улицу соръ ношу.
До чево довѣлъ мальчишка:
нонче годикъ не форшу!
668. Что ты, Катя черноброва,
ты худа стала, блѣднѣ.
Ты теперя одинока,
нѣтъ милѡва у тебя.
669. Я работала у стѣнки,
а теперя—у окна.
Я ходила с'проводатымъ,
а теперъ—хожу одна.
670. Я живая в'землю лягу,
я за вѣрную любовь.
Если мѣлой не спомѣнетъ,—
не потерпитъ ему Богъ.
670. Я жилѣ, я въ землю лягу,
я за вѣрную любовь.
Если мѣлой не спомѣнетъ,
не потерпитъ ему Богъ.
671. Вы, товарищи-друзья!
убейте мѣлу изъ ружья.
Убейте милу изъ ружья,
теперь она мнѣ ни нужна.
672. Вы не бейте, ни стрѣляйте
в'огородѣ питушка.
Убейте, застрѣлите
лучше милова друшка.
673. Задушевная таварка,
купи ножикъ-складничокъ.
Зарѣшъ у милова симпашку,—
вѣчно будѣтъ мой дружокъ.
674. Люди ножички справляютъ,—
я—леворверъ заряжу.
Люди в'касторгѣ страдаютъ,—
я—в'острогѣ посижу.
675. Я Сибири не боюса,—
Сибирь—наша сторона.
Кто милашичку полюбить,—
тогъ попробуетъ ножа.
676. За листочки насъ рестуютъ,
а за ножикъ—никогда.
Дальше сонца не угонять,
Сибирь—наша сторона.
З'земнова шара не столкнуть,
тѣромъ в'землю не воткнуть
677. Усердिसа милъ на брата,
из'за брата—на миня.
Я тому не виновата:
не учила брата я.
678. Вижу сать, вижу зелѣной,
вижу негорѡжоной.
Чѣмъ ты, мѣло, недоволенъ,
до дому провоженной?
679. Стой-ко, травонька, попрамше,
на конавку не клонись!
А ты, мѣлой, не сердисъ,
ходи по-прежнему, садисъ.
679. Подарилъ мнѣ милъ супирчикъ
съ под'воднымъ камшкѡмъ.
На миня онъ осердилса:
не садитса рядышкѡмъ.
680. Черезъ рѣчку голубѡвъ
на лужокъ садилса.
На тебя, моя таварка,
мѣлой осердилса.
681. Погледѣлъ бы в'стѣклышко,
гдѣ садитса солнышко.
Сонцо сѣло за туманомъ,
милѣновъ дѣлатъ на обманъ.
682. Брыждетъ, брыждетъ частой дождикъ
на сарайчикѣ тисовомъ.
Изотлѣлса у милѡва
мой платочикъ носовой.
683. Мѣлой корпусомъ не ходятъ
и на номеръ ни гледитъ.
Со мной рядомъ ни садитса
и другому ни велитъ.
684. Засорѣна путь-дорожинька,
всѣ соломкой еровой.
Разругалса я с'милашичкой
на праздникъ годовой.
685. У мово-то ли милѡва
домъ на каменномъ ряду.
Я во нонишномъ году
живу съ милымъ не в'ладу:
Мимо оконъ ходитъ бокомъ,—
я в'окошко не глежу.
686. Вѣтеръ дуѣтъ, нѣто-то будѣтъ:
мѣлой вонтикъ изломаль,
кольцо скинулъ, вѣ воду кинулъ
и платочикъ изорваль.

687. Я сидѣла на диванѣ,
вышивала платокъ Ванѣ.
Платокъ бѣлой полотняной
изорвалъ Ванюшка пьяной.
688. Поигралъ бы я в'гармошку,—
права ручинька болить.
Посидѣлъ с'милашкой рядомъ,—
ничего не говорить.
689. Пошли дѣвки на рѣчку
по бѣлы каменья.
Обругалъ мальчишъ дѣвчѣнку,—
повели в'правленіе.
Во правленіѣ у стола
дѣвченка воѣтъ без'стыда.
Она воѣтъ-говорить,
сво высѣчки велить.
690. Четвѣртная—мать родная,
полу-штофъ—ты мой отецъ.
Пол-бутылка—моя милка,
проводи меня в'конецъ.
691. Ахъ ты, милая моя,
что ты меня учишь?
Три копейки есть за мной,—
ты ихъ не получишь.
692. Милой—мой, а я—твоя,
гдѣ косыночка моя?
— „Милая, хорошая,
„въ дужурочкѣ положена“.
693. Милый мой, карманный воръ,
скажи, гдѣ косынка?—
— „Милая, хорошая,
„въ кабакѣ заложена“.
694. Шель улочкой зимой,
снялъ я ковточку съ милбѣй.
Моя милая ревѣла,
своей ковточки жалѣла.
Пожалѣлъ я ее слѣзъ—
и за ковточку отнёсъ.
695. Шоль я улочкой зимой,
снялъ я ковточку с'одной.
Милка плакала, ревѣла,
бѣлой кофточки жалѣла.
Пожалѣлъ я горькихъ слѣсъ,
назатъ ей кофточку привнёсъ.
696. Под'окошничкомъ сидѣла,
ѣла кашу съ молокомъ.
Я милѣнка увидала—
и по кашѣ—кулакомъ.
Каша разлетѣлася,
милашка разревѣлася.
697. Я сидѣла на окошкѣ,
ѣла кашу съ молокомъ.
Увидала я милѣнка—
и по кашѣ—кулакомъ.
698. На Велюшинѣ гуляла,—
видѣла Сашутку.
Онъ ударилъ по щекамъ,—
приняла за шутку.
699. За овиномъ кусъ малины,
винограду полоса.
Говорить мнѣ-ка милѣнокъ:
„Не лѣсь пьяному в'глаза“.
700. Напишу царю прошеніе,
приложу бѣлу печать,
чтобы здѣлалъ разрѣшеніе
с'милымъ друшкомъ повѣн-
чать.
701. Нонче годомъ похудала:
сундука не отпереть.
Скажи, милой, повѣриѣ:
нонче женять или нѣтъ?
702. Неужели, милой мой,
нонче женисса зимой?
Если женисса, мой милой,
скучно жить будѣтъ одной.
703. На окошкѣ сидитъ кошка,—
бѣло-лапчатый котѣкъ.
Говорила мнѣ милашка:
„Не женись ещѣ годокъ“.
704. Говорила мнѣ милая:
„Не женись до годика,—
„Не женись до годика,
„возьми меня молодиньку.
705. Повяжу я с'горюшка
чѣринькой платочикъ.
Погоди, милдѣй женитса,
нонишной годочикъ.
706. Я надѣну бѣлой фартукъ,—
буду в'родѣ горнишной.
Погоди, милой, женитса
хоть годочикъ нонишной.
707. Голупка ли вѣдъ бѣла
мнѣ жениѣца не велѣла.
По головки глѣдила,
въ офицеры лѣдила.
708. Милой, яготка моя,
не жениса два готка.
Не женись до годика,
возьми меня молодиньку.
709. Симяна не стоитъ грысти,
и орѣшки дорогѣй.
Ты скажи-ка, мой милой,
до вѣчанья долго ли.

710. Вы разрѣшите моё сердце,
положите на столѣ.
Есь задумалъ, милъ, женитса,—
ты жениса поскорѣй.
711. Свѣтитъ сонцо на лужокъ,
а луна—на берёжокъ.
Товда охнетъ моё сердце,
ковда женитса дружокъ.
712. Ты играй, гармошка нѣва,
звисели мово милова.
Ево надо звеселить:
будуть осенью женить.
713. Опущу колечко вводу,—
пушай тонеть глубоко.
Есь задумалъ милъ женитса
пушай ѣдетъ далѣкб.
714. Черезъ рѣчку пушу свѣчку
кто-небудь её зажжотъ.
Чересь клятву милой женитса,—
не долго наживѣтъ.
715. Я поставлю свѣчку в'рѣчку,—
кто-небудь её зажжотъ.
Чересь клятву милой женитца
не долго наживѣтъ.
716. Милой збрую начишшаеть,
свататса збираетса.
Мимо дому пробѣжжаеть,—
серце разрываетса.
717. Хотять милова женить,
мому сердцу досадить.
Ето не досадушка,—
сердѣчушу отрадуща.
718. У насъ рѣчка—лиденецъ,—
милъ поѣхалъ под'вѣнецъ.
Буду в'слѣтъ ему кричать,—
не будетъ попь ево вѣнчать,
Воротисъ, милый, домой,
об'вѣнчаемса со мной.
719. Возьму в'руки полотенце,
рисовать буду конецъ.
Будетъ милая вѣнчатса.
я спибу съ её вѣнецъ.
720. Какъ в'Толпыгинѣ селѣ
в'колоколъ ударили.
А мово-то-ли милова
под' вѣнецъ поставили.
721. На рябинѣ на вершинѣ
галочка качаетса.
Растворю церковны двери:
милинкой вѣнчатса.
722. Мово милова вѣнчали,—
огни разны засвѣчали:
отъ налюа до дверей
горѣло восемь фонарей.
723. Я на папертѣ стояла,—
не могла свѣчу доржать.
Я священника просила:
„Погоди друшка вѣнчать“.
724. Чья-то свадебка катаетса,—
знакомой женишокъ.
Какъ по прежней-то любѣ
былъ завѣтной мой дружокъ.
725. Милой мой, з'законнымъ бракомъ.
—„Шутишь, милая моя?“
Ну, какіе ето шутки?
измѣнилъ слову своему.
726. Набѣлюся я извѣской,
нарумянюсь кирпичёмъ.
Моя мила вышла замужъ,
я остался не при чемъ.
727. Были, были два колечка,
оба укатилиса.
Было, было два дружечка,
оба-то женилиса.

Рекрутскія частушки.

728. Давай, милая, бутить,—
намъ с'тобой не долго жить:
меня в'солдаты отдадутъ,
тебя замужъ выдадутъ.
728. Что-то в'полѣ шевелитса.
мѣленка ворочатса.
Миня осенью—в'солдаты.
Батюшки, не хочетса!
729. Помолись, милашка, Богу
на Макарьевской соборъ.
Отъ солдасьва Богъ избавить,—
об'вѣнчаемса с'тобой.
730. Женять, женять насъ молотчи-
ковъ
во нонишнемъ году.
И дадутъ намъ по невѣстѣ,—
по казенному ружью.
731. Вы слетайтесь, вольны пташки,
мелкіе воробышки:
нонче съ Паски с'крою гласки
со своей сторонущи.
732. Поиграй, гармошечка,
времичка немножико.
Времичко коротаетца,
къ солдаствицу подвигаетца.

733. Пирогъ, мама, пеки,—
миня в'салдаты береги.
Вари кашу, масло лей,—
последній годикъ пожалѣй.
734. Намъ не долго пофорсить,
длинные волосы носить.
Слетять эти волосы,
какъ с'осинушки лисей.
735. Чуетъ, чуетъ мое сердце:
на чужой сторонкѣ жить.
А еще больше скучаетъ
царю бѣлому служить,—
царю бѣлому служить,
шинель сѣрую носить.
Шинель сѣрая, радная,—
прощай, маминька родная.
Мундиръ чѣрной, дорогой,—
прощай, тятинька родной!
736. Намъ не долго молотцамъ
пáрачить своимъ отцамъ.
Намъ не долго мальчикамъ
пóрабòтать братчикамъ.
737. Ты играй, играй, дву-ряточка,
наигрывай-ко-са.
Ты гуляй, гуляй, головушка,
нагуливай-ко-са
738. Погуляйте, ребятишки,
погуляйте, молотцы;
пока не-здали в'салдаты,—
волю дали вамъ отцы.
739. Задушевной мой товаришкѣ,
давай горе горевать:
твою голову забрекутъ,
и моей не миновать.
740. Вы, товариши-друзья!
Чево лишаюсь мальчикъ я:—
лишаюсь матери-отца,
дѣвчонки бѣлаго лица.
741. Погодите, слѣски, капать
на мою на бѣлу грудь.
Погоди, милашка плакать:
можетъ быть, не од'дадутъ.
742. (Эхъ), ты берёза, ты берёза,
золотые прутики!
Пожалѣйте насъ, дѣвчонки,
нóнче мы некрутики!
743. По тебѣ, ширòка ўлочка,
последней расъ идú.
На тебя, моя милашичка,
впоследнiе глежу.
744. Намъ не долго погулять
со дѣвчòнкамъ вòльницамъ:
скоро, скоро забрячитъ
òстра бритва съ нòжницамъ.
745. Миня мальчика забрекутъ,—
куда милую дѣвать?
Куплю новую корзину,—
пошлю по-миру збирать.
746. Перебью-перемну
рюмочки хрустальные.
Посидѣлъ бы я, поплакалъ
с'милашичкой в'остáнные.
747. Кругомъ крестный ходъ,
а намъ гулять—последнiй
годъ.
Последнiй годъ, последнiй день,
последнiй праздничекъ я
здѣсь.
Последнiй понедѣльничекъ
подстели постельничекъ.
748. У гармошки—мѣдный тонъ;
ты скажи, когда подъемъ. *)
Если въ сѣреду подъемъ,—
вина зѣлена попьёмъ.
749. Мнѣ цыганочка гадала.
что нечастно жреби твой.
750. Некрутá вы, некрутá,
вы пошали не гуда.
Не въ ту сторону попали,—
ваши головы пронала.
751. Былъ я въ Плєсѣ, Сиредѣ,— **)
нагулялся я вездѣ. ***)
752. Всѣ я пѣлъ бы, всѣ я пѣлъ бы,
всѣ бы я веселился.
Однá дума на умѣ:
„Кого я лишился!
Лишился я матери—отца,
милашки бѣлаго лица“.

*) Т. е. отъездъ рекрутовъ.

**) Т. е. въ Середѣ.

***) Цѣсня рекрутская. Смыслъ ея въ томъ, что въ Плєсѣ брèтъ рекрутовъ, а въ Середѣ—«пересвидѣтельствуютъ».

753. Куда, тятя, запрегаешь
вороново жиребца?
Куда, мамка, собираешь
удалово молотца?
Повезли миня в'солдаты,
а я думалъ: на базаръ.
Повели меня въ приёмну,
а я думалъ: во кабакъ.
Миня стали забривать,
а я думалъ: выпивать.
Погодите кудри бритъ—
дайте маминькѣ прибыть.
Моя маминька придётъ—
русы кудри подберётъ—
Русы кудри подберётъ,
себѣ в'корблукъ покладётъ.
754. Некрутѣ вы, некрутѣ,
зачѣмъ попали вы суда?
— „Мы во Плѣсо погулять,
во приёмной побывать“.
755. Какъ у церкви Покровѣ
стоитъ приёмная новѣ.
Туту лѣсенка крутѣ,
по ней ходить рекрутѣ.
За стекляннемъ дверямъ
стоитъ кружка с'жиребямъ.
Рукава я засыкалъ,
в'ружку руку опускалъ,
себѣ жеребей таскалъ.
Я мальчишко холостой
вынялъ жеребей шестой.
А товаришкѣ мой женатый
вынялъ жеребей девятый.
756. Я на жеребей надѣялся,
работалъ до конца.
Пришло времичко такое,
что забрили молотца.
Сказалъ: „Брейте,—не жалѣйте,
„вы стригите,—не берегите“.
Вотъ какъ бреютъ—не жалѣютъ,
и стригутъ—не берегутъ.
Братя под'руки ведутъ,
сѣстры плачутъ и ревутъ.
„Ой, сестрицы, вы сестрицы,
не жалѣйте молотца.
Нѣтъ не матери-отца.
Кругла-кругла сирота
остается дѣвчѣнка бѣлаго лица“.
757. Тятя, тятя, тятя, мой,
сядь, подумаемъ со мной.
Сядь, подумай, погадай,
вставай, лошадь запрягай,
меня в'солдаты собирай.
758. Вотъ, в'салдатушки везутъ,
трезвы ноженъки нейдутъ.
Трезвы ноженъки нейдутъ,
на лошагѣ отвезутъ.
759. Мѣдна мѣра загремѣла
надъ мою головой.
Моя мила заревѣла
пуще матери родной.
760. Ты, милашечка, не вой:
на Покровъ приду домой.
На Покровъ приду домой
и опять я буду твой.
761. Середная*)-то дорога
вся слезами улитѣ.
Уливали еѣ слезамъ
наши матери с'отцамъ.
762. Я подъ мѣру становилса,
тронулъ мѣру головой.
Мнѣ начальство говорило,
что несчастный жеребей твой.
763. Не отъ радости у дѣвушки
осѣвласа коса.
У еѣ то-ли милѣва,
вонче снимутъ волосѣ.
764. Вотъ насъ бреютъ—не жалѣютъ,
повалятса с'насъ виски.
А стригутъ и берегутъ,—
какъ с'осиашки лиски.
765. Увезутъ в'салдатушки
от'болѣзной матушки.
Отъ болѣзной матушки
не хочется в'салдатушки.
766. Доставайса мому брату
всѣ соха и борова,—
всѣ соха и борова
и кобыла ворѣва.
А мнѣ, бѣдному, несчастному—
чужая сторона.
767. Какъ я мальчикъ не работалъ,
какъ я не старалса,
всѣ работы приработалъ,—
в'салдаты попалса.
768. Каркнулъ воронъ на берѣзѣ,
свиснулъ воинъ на конѣ.
Помипай миня, милѣя,
в'чужой-дальней сторонѣ.
769. Не об'томъ я, мальчикъ, плачу,
что чужая сторона.
А об'томъ больше скачу:
пройдётъ молодость моя.

*) Т. е. въ село Середу,—гдѣ бываетъ
привывъ рекрутовъ.

770. Вотъ в'салдатушки везуть,
трезвы ноженки нейдуть.
На лошаткѣ отвезуть,
на лошаткѣ варинькой,—
не простился съ маминькой.
На лошаткѣ сивинькой—
не простился съ милинькой.
На лошаткѣ воронбѣ,
не ворочуса я домой.
771. Некрутá вы, некрутá,
нещастные голбушки!
Увезуть васъ, некрутá,
со своей сторонушки.
772. Ой, батюшки, уѣзжаю
на чужую сторону.
На ково я оставляю
свою черно-бровую.
773. Родимая моя мать,
подвежи котомку:
отправляетца сынокъ
на чужую сторонку.
774. Чтò ты, мама, рано встала,
рано цвѣтикъ сорвалá?
не далá дома нажитьса,—
во солдаты отдалá
(или: во салдаты собрала).
775. Милые родители,
на што миня обидѣли:
большова брата стерегли,
миня в'солдаты берегли.
776. Милые родители
нáчисто обидѣли.
Нá-ноги поставили,
служить Царю заставили.
777. Я схожу ли на могилу,
разбужу родную мать:
„Не пора ли тебѣ, мама,
„из'сырой земли вставать,—
„из'сырой земли вставать,
„миня в'салдаты провожать.“
778. Чтò ты вѣсса, чѣрный воронъ,
надъ моею головой?
Али чуешь, чѣрный воронъ,
двѣ побѣды надо мной?
Вотъ, какъ первая бѣда—
я записанъ въ рекрутá.
А вторая-то бѣда—
у миня осталась сиротá.
779. Хорошо тому гулять,
у ково—отець и мать.
У миня у молодца
нѣтъ ни магири-отца.
На кладбищѣ вѣтеръ свищеть,
покойнички крѣпко спятъ.
Пойду-схожу на могилу,
разбужу я мать родиму:
„Ужъ ты, маминько, вставай,
„миня въ городъ собирай.
„Всѣ-то сроднички съѣхались,
„сошлись, только нѣту-тво
болѣзной,
„одной маминьки родимой.
780. „Повезуть миня в'салдаты,—
„вся деревня заревѣтъ.
„Одинъ тятинька заплачетъ,
„а дядя пѣсни запоѣтъ“.
781. Прощай, Волга, прощай, лѣсъ,
прощайте, звѣздочки с'небесъ
Прощайте, синіе моря,
прощай, милашичва моя.
782. Царь ты бѣлой, царь ты бѣлой,
што въ Росѣюшкѣ надѣлалъ
молодыхъ людей забрилъ,
всю Росѣю прослезилъ.
783. Ты милашичка—не глупая,
сама можешь понять:
безо льготушки в'салдатушки
не весело гулять.
784. Скоро, скоро заморозить,
скоро снѣгу нанесѣтъ.
Ярославская машина
насъ в'солдаты повезетъ.
785. На машинушку садилса,
яснымъ соколомъ взвилса.
Я съ милашкой распростилса,
слѣзамъ горькимъ залилса.
786. Рекрута вы, рекрута,
вы попали не туда.
Не въ ту сторону попали,
ваши головы пропали.
787. Чтò, гармошка, не играешь?
Али тону въ тебѣ нѣтъ?
Чтò ты, мама, не встрѣчаешь?
Али дома тебя нѣтъ?
788. Будѣтъ, будѣтъ, покатался
я на свисѣмъ конѣ.
Будѣтъ, будѣтъ, покатался
на чужой на сторонѣ.

789. Черепячички-молодчики,
поѣдемте домой,—
на родимую сторонущку:
тамъ—праздникъ годовой.
790. Тятка мерина проласъ,—
на гулянье денекъ дасъ.
Продасъ сівую кобылу,—
пришлѣтъ денекъ на машіву.
Продасъ бурюу корову,
пришлѣтъ денекъ на дорогу.

Ландюховыя частушки (не индивидуальныя и насмѣшливыя).

791. Погледи-ко-те, дѣвчѣнки,
кто тамъ ходитъ по рѣкѣ,
в'бѣлой вышитой рубашкѣ,
и гармоника—в'рукѣ.
792. Свѣтатъ мѣсяцъ и луна,
дѣвки любятъ игрунѣ.
Кабы лодочка была
перѣхалъ бы туда.
793. Посмотрите-ка, дѣвчонки,
кто тамъ ходитъ за рѣкой,—
в'бѣлой вышитой рубашкѣ,
с'тальянкой под' рукой.
794. По рѣкѣ плывѣтъ бадейка,
у нея—дубѣво дно.
Плохо, плохо вамъ, дѣвчѣзки,
рибятишки за одно.
795. Сяду ли я на лавочку,
возьму в'руки балалаечку.
Я ударю по струнамъ,
приходите, дѣвки, к'намъ.
796. Деревнюшка близко к'лѣсу,
на краю стоить кабабъ.
Цѣловальникъ намъ знакомый,—
отпущааетъ водку табъ.
797. Не женитесь, мальчишки:
холостымъ лучше гулять.
Холостой мальчикъ гуляетъ,
какъ соколъ в'полѣ летаетъ.
798. Дайте скрипочки, органы,
да бутылочки, стаканы.
Мы изъ бутылочекъ попьѣмъ,
да дѣвчѣночекъ попьѣмъ.
799. Не на то мальчикъ родился,
что о пашнѣ кропотать. *)
Я на то мальчикъ родился,
что пѣ попить да погулять.

800. Намъ не в'старосты садитца,
намъ не славу наживать.
Попьянѣ бы наитца,
да подолше погулять.
801. Буду пить напропалую,
денегъ нѣту не гроша.
Денегъ нѣту не гроша,—
намъ кривая хороша.
802. Вотъ какъ запилъ-загулялъ
молодой прикащикъ;
бѣлы ручки запустилъ
во хозяйской яшникъ.
803. Дѣвушки-бѣляночки,
гдѣ ваши гуляночки?—
„Мальчики-соколики,
сами про то знаете,
сами про то знаете,
вмѣстѣ с'намъ гуляете“.
804. Наша улочка песчана,
а сказали, што грязна.
Нашихъ дѣвокъ любить можно
а сказали, што нельзя.
805. У насъ пблосы не долги,—
косяки—не широкі.
У насъ дѣвушекъ не много,—
да дѣвчушки хороши.
806. Наше поле—с'вашимъ рядомъ,
наше—волосистый.
У насъ дѣвушекъ не вного,
зато пофорсистый.
807. Намъ не надо свѣчокъ салныхъ,—
у насъ лампочки горять.
Намъ не надо дѣвокъ дальныхъ,—
со своимъ будѣмъ гулять.
808. Намъ не надо свѣчокъ салныхъ,—
у насъ лампочки горять.
Намъ не надо робять дальныхъ,—
хороши своѣ сидять.
Рибятишки дальные—
прянички сахарные.
Рибитишки наши—
хуже кислой ваши.
А што каша не в'пирокъ,—
только стбитъ пот'порокъ
809. За рѣкой овца пропала,—
мы телятину ѣдимъ.
На своихъ-то мы дѣвчѣночекъ
и глазами не глѣдимъ.

*) Т. е. заботиться.

810. Ёровое мы молотимъ,
а мякину спáхивамъ.
С'чужимъ дѣвущкамъ гуляемъ,
а своихъ—помáхивамъ.
811. Ёровое молотимъ,
а мекину спáхивамъ.
Мы хорошихъ робятъ любимъ,
а своихъ помáхивамъ.
812. Я сидѣла на скамѣ,
вышивала по канвѣ.
Вышивала по тапбúру,
отдала не дальному,—
не своему я сельскому,—
чужому, деревенскому.
813. Намъ не дорогъ Шуя-городъ,
намъ дороже село Спасъ.
Вокъ какъ дальнiи дѣвчѣночки
повыеушили насъ.
814. Какъ на Шáчѣ, на рѣвѣ
плаваютъ утята.
Не придутъ ли в'намъ гулять
Медвѣдковски ребята.
815. В' Толпыгинѣ крúты горы,
рибятишки плуты-воры,—
рамы колютъ, стѣкла бьютъ,
дѣвчѣнкамъ ходу не даютъ.
816. Какъ толпыгинска гора
чѣмъ украшена она?
—Сабогамъ с'калошами,—
робятамъ хорошими;
свѣтикамъ-то алинькимъ,—
дѣвчѣнкамъ не нагляднiнькимъ.
817. На горѣ--арбузы,
подъ горой-то—виноградъ.
Какъ толпыгински робята
пропили картúзы.
818. Какъ толпыгинска гора,
чѣмъ украшена она?
Пеньями-колодами,
мальчишкамъ уродами.
819. Киселѣскiе *) вѣтъ люди
онѣ съѣли мышъ на блюдѣ.
Онѣ думали—пирокъ:
хватъ—лягушка поперѣтъ.
820. Киселѣски шпульницы
вѣтъ какiе умницы:
щочку влювкой намажутъ,
брови углемъ подведутъ,
гулять на ливiю пойдутъ.
821. Горбунбски *) слесаря
первы плуты отъ царя.
Пильщички да плотнички—
последнiе работнички.
Контористы на честй,—
любятъ дѣвокъ по шести.
822. Отъ Петрбска **)—то—дорога,
отъ Столбва ***)—то—тропа.
А з' дороги намъ не нада,
а с'тропы—поди суда.
823. Какъ крозь Юрино деревню
прокатилось колесо.
Вотъ какъ юрьенски дѣвчѣнки
цѣлуютъ хорошо.
824. Черезъ кочку, черезъ пень,
черезъ колотушву
цѣловали дѣвки насъ
в'самую макушку.
825. Какъ крозь Юрино деревню
прокатилась ювинá ****).
Вотъ какъ юрьенски дѣвчѣнки
всѣ охочи до вина.
826. Говорятъ што я, малá,
с'неба звѣздочки брадá.
с'неба звѣздочка упала,
я за пьяницу попалá.
ничего што пьяница,—
я—сама красавица.
827. Какъ под' нашей подъ горой
торговаль мужиыъ золбй.
„Почѣмъ, дѣдушка, золá?“
— По копейкѣ серебра.
„Милой мой, не сватайса,
намъ съ тобой не сладитса.
Ты—старикъ, я—дѣвушка,
не пойду за дѣдушкá“.
828. Грех-копеешнiй мужиыъ
на кровати лежить.
Сто-рублевáя жена
у кровати стойтъ.
„Ай, мужъ, прости,
„на кровать пусти“.
— „Я тогда тебя пушшú,
„когда шкуру всю спушшú“.
829. Какъ у нашихъ у воротъ
кочѣтъ пѣсенки поѣтъ.
Курица тóпнула,
половица лóпнула.

*) Горбуновскiе, т. е. съ фабрики Горбунова въ Киселевѣ.

**) Петровское,—деревня возлѣ с. Толпыгина.

***) Столово,—деревня возлѣ Толпыгина.

****) Т. е. разостлано полотно вдоль всей улицы, для бѣлки.

*) т. е. изъ с. Киселева.

830. Дѣвки в' лоточку садились,
а под' лоточкой—вода.
Дѣвки юбки обмочили—
перевощичку бѣда.
831. Опрокинулась бадейка,
повытела вода.
Не полуйтѣса, дѣвчѣнки,
ротъ розиня никовда.
832. Я свою-то ли милѹю
знаю чѣмъ утѣшу:
Куплю соли пѹдовъ десять,
на шею повѣшу.
833. У милѹва у мово—
судароѣ много у нево.
Всѣ столѣтня бѹшки,
всѣ—его сударушки.
834. Моя милая—вертячка,
ис'пот' тачки колесо,—
за грошовую канфеточку
цѣлуется горячо.
835. Борода миня сгубила,
усики проклятые.
Ето все бы ничего,—
да волосы—кудрявые.
836. Борода миня сгубила,
усики проклятые.
Ето все бы ничего—
брюхо-то—мохнатое *).
837. Гармонь нѹва вся истѣрта,
гармонисъ похоща на чѣрта.
Кто играетъ, тотъ збираетъ,
кто поѣтъ,—и тотъ пойдѣтъ.
838. У мово-то у милѹва
укуратинькой носѣкъ:
девять курочекъ усадетса,
ещшо десятой вочетѣкт.
839. Моя мѹла,—какъ кобыла,
кругло-лица,—какъ овца.
Губы тониньки-тонѣнки,
какъ у мерина колѣнки.
840. У миня милашка есть—
вельзл кровъ ѹлочку провестъ:
лошади пугаютца,
извошнички ругаютца;
ротъ до самыхъ до ушей,
хоть завязочки пришей.
841. У моей-то у милѹй
брови черныя дугой,
сарафанчикъ голубой,
сопли таятса вожжой.
842. У милашки у моей—
пот' подѹломъ соловей.
Какъ куда она пойдѣтъ—
соловухекъ запоѣтъ,
843. Ужъ ты, мѹлая моя,
рукодѣленка была:
рукодѣленка была,
под' подѹломъ замела,
Сарафаны шиломъ шила,
топоромъ лапшу крошила.
844. Широка путь-дорошка
Волга-матушка рѣка.
Двѣ пуховые подушки—
крутые берега.
845. Черезъ Шѹчу-матушку,
поставлю я полѹтушку.
новую, бѣлѣную
с'крышицей зелѣною.
846. Черезъ Волгу-матушку
выстрою полѹтушку.—
бѣлую-бѣлѣную,
крышицу—зелѣную.
847. Дѣвушки-бѣлѣночки,
штѹ у васъ за ямочки?
Мальчики-сокоблѣки,
штѹ у васъ за коблики? *)
848. Чтѹ ты, мѹлая моя,
гдѣ ты обмочиласа?—
—„Я у дяди за дворѹмъ
грамотѣ училаса“.
849. Не шей-ко, Матрѣна,
красные поркѹ:
насеру я полные,—
будутъ коротки,
850. Рукава баба купилѹ,
а накидку продалѹ.
Рукомойничекъ разбила,
пастуху разокъ дала.
(Им: пастуху помолвила).
851. Руки, руки, рукавѹ,
руки с'пальчикамъ,
Наши дѣвушки гуляютъ
всѣ-то с'мальчикамъ.
852. Я у тѣщи ночевалъ,
сѣ печи оборвѹлса.
Головой в' ушатъ попалъ.
„Какой чѣртъ тобѣ вельзлъ,
„што ты не держался?“.

*) Т. е. «очень рано волосъ пошелъ,
сгубилъ мою красоту».

*) Эта частушка есть загадка,—о поло-
выхъ органахъ.

853. Ой тѣща моя,
хуже лихоратки.
Щи варила,—пролила
себѣ на запятыя.
854. Ой, тѣща моя, доморощенная,
на тебѣ шуба нова, не воро-
ченная.
Буду тѣщу любить, буду шубу
носить,
буду шубу носить,—повора-
чивати,
буду тѣщу любить,—поколачивати.
855. У душики спаль,
на подушкѣ лежалъ.
Миня душка за ушко
поташила на брюшко.
856. Милашка моя—
кака дѣсковая:
за волосья миня
с'печки стаскивала.
857. Подъ шубою была,—
пошшупали миня.
Подъ бѣлою была,—
обдѣлали миня.
858. Бес'ятиньки у маминьки
просилъ солдатъ говядинки.
Што ты, дура, не дала?—
ты бы баронѣй была.
859. На печи-то по лучинѣ
миня дѣвушки учили.
Миня тятинька застала,—
за волосья оттакала.
860. Пляши, пляши, дѣвица,—
ничѣво не здѣлалса.
Тише, дура,—ума вѣтъ:
перестанешъ или вѣтъ?
861. Устинья была,—
суетила миня.
Настасья была,—
наставлявала.
862. Подъ ёлочкой,
подъ горочкой
стоитъ мальчикъ
с'дѣвчѣночкой.
863. Тужить, тужить ставовѣй
што дохоть ему плохой,
а урядникъ-отъ горюеть,
што нароть мало ворюеть.
864. У Дороднова на фабрикѣ
случились чудеса:
передъ казньемъ прикашшикомъ
стоятъ по-двои вѣса.

Плясовыя частушки и выкрички.

865. Охъ эхъ тѣ,
да голова в'дехтѣ,
да руки по-лохтѣ.
866. Топчи землю—
грыбы будутъ.
Цолуй дѣвокъ—
любить будутъ.
867. Гуляй, молодѣ,
за старше годѣ.
Жива буду—не забуду,
какъ гуляла молода. *)
868. Тятка, тятка,
тятка мой!
свинь порточки,
лякъ со мной.
869. Руки, руки, рукава,
рукава коротки.
Долга чаю не пила,
напилась у тѣтки.
870. Ступи, ступи, нога,
(Им: топни, нога),
не жалѣй сапога.
Тятка лыка надерѣтъ
новы лапти сплетѣтъ.
871. Кто играеть, тотъ збираеть,
Хто поеть,—и тотъ пойдѣтъ.
872. Ай питерцы, владимерцы,
купци помрутъ ростянутса,
купчихи намъ останутса.
873. Милашку бьютъ,
перчатки рвутъ,
калошки долой,—
поди, милая, домой.
874. Горохъ частбѣй
обмолбистбѣй,
мальчишко хорошъ
оборбистбѣй.
875. Шель я верхомъ, шель я низомъ,—
у Машоньки—домъ съ карнизомъ.
876. Ето правда, ето былъ,
я при ефтомъ дѣлѣ былъ.
877. Тятка мерина продакъ,—
на гуляньѣ денекъ дакъ.
878. Ето правда, ето правда,
што Сусанинъ царя спасъ.
879. Черви, бубны, тузь крестѣй,
моя-то милашка без'вѣстей.

*) «Такъ поеть на свадьбѣ, когда уже
пьяны».

880. Это вѣрно совершенно,
што картошка безъ костей.
881. Ты йерань, йерань, йерань,
ты, зе ёналя, не вишь.
882. Охъ ты пой-ка, ты пой,
товаришшъ мой:
да уважаю я голосъ твой.
883. У моей-то у милбй
сопли тянутся гужбй.
884. Не подмигивай, кривая,
не ломай своё бѣльмб.
885. Милый мой похлѣбку прблиль,
разсердился—горшокъ
сѣѣль.
886. Зима—не лѣто,
пройдѣтъ и не это.
887. Пить бѣдѣмъ, гулять бѣдѣмъ,
смерть придѣтъ, умирать бу-
дѣмъ.
888. Изъ окна милая глядѣла,
какъ цыганка чѣрная.
889. Услана ли путь дорожка
всѣ соломкой провбй. *)
890. Ты играй, играй, дву-рѣточка,
играй повиселѣй.

Хороводныя частушки.

891. Ушь ты дѣвица-красавица моло-
динькая!
полюбила ты молбтчика хо-
рошинькова.
— „Мяѣ не стыдно съ нимъ во-
зитса,
радось—гбренкой протти.
ношкой топнута“.
Вбшоль мйлой во спокой,
топнулъ правую ногой,
сказалъ: „Дѣвки, охъ вы
мнѣ!
Быль не кбсовой платочикѣ,
поцалуй мина разочикѣ“.
892. Противъ зеркола, противъ свѣт-
лова,
стоитъ Машинька, принаря-
женная.
Скажи, скажи: Для кого?
— Для мйлова своего.
Дуѣтъ, дуѣтъ вѣтеръ мой,
дѣтинушка молодой,
Я горю, горю, горю,
на тесовоѣмъ полѣ.
Ково знаю—полюблю,
тово выкуплю.

893. Ушь ты, вралечка дѣвбчка!
на груди—бѣлѣ цѣпочка,
в'ушѣхъ—серги золотые,
и висбчки—подбитые.
— „Я люблю, люблю такбва—
нѣтъ картуза никакова.
Продамъ шупву и бурмузъ,
куплю мйлому картузъ,
такой цйгольсвой, нбвой, драповой
гарнетуровой платокъ.
Поцѣлую разъ пятбкб“.
894. Ты, Иванушко, хорошъ:
ты на фабрикѣ живѣшь.
Много денегъ выживаѣшь,
мало дѣвушкамъ даѣшь:
поцѣлуешь—прочъ пойдѣшь.
895. Чисто мальчикъ при-одѣтъ,
на немъ драповой жилетъ,
брючки на подтяжкѣ;
чесы при кармашкѣ.
На помадѣ волосѣ,
ето—Сашина красѣ;
кудѣречки вьютца.—
дѣвушки любятца,—
дюжину цѣлуютца.
896. Погледы-ко-тѣ на крышу,
што на крышѣ дѣлатса.
Тамъ—дымъ, тамъ—чатъ,
тамъ воробышки кричатъ.
Тамъ воробышки кричатъ,—
цоловатса намъ велѣтъ.
897. Ъхалъ мальчикѣ изъ Саратова,
выѣзжалъ орѣть на матирѣ,
боронилъ на старомъ дѣдушкѣ,
цоловали ёво дѣвушки.
899. Ъхалъ мйлой изъ Душйлова с'
возѣмъ.
Воду черпала, „Богъ-на-
помочь“ не сказалъ.
„Богъ на помочь, ненаглядная!
„Што ты ходишь не на-
рядная?“
— Извини, не нарядиласа:
цоловатса торопиласа.

909. У насъ Сашинька чисто ходилъ,
бѣлу-вышиту рубашку носилъ.
Я ешшо ему прибавила красы:
на бѣлаю груть повѣсила
часы,
проняла ему косой воротокъ,
посадила девять пуговокъ
врядокъ,
девять травокъ нѣмецкіехъ,—
цолуй дѣвокъ деревенскіехъ.
910. Вотъ какъ дѣвки—дѣльные,
вотъ какіе руководѣльные.
Ужъ чево же мы не дѣльвали,
ужъ чево мы не рѣшывали.
Косаремъ траву мы кашивали,
на собакахъ сѣно важивали,
на печи мы сѣно сушивали,
на полатахъ стоги мѣтывали.
Мы охѣпочкамъ кидалися,
поцолую дожидалися.
911. Што ты, мѣлодець, не жѣнесса,
на ково, радость, надѣсса!
—Я надѣюса на дѣвшуку,
на свою прежню сударушку.
Знаю, знаю, не спокинѣтъ мнѣ;
знаю, знаю, не оставитъ мнѣ.
— У насъ въ горенкахъ чистѣ-
хонько,
переходъ у насъ чистѣхонь-
кой,
башмачки не топчутса,
чулки бѣлы не мараютса,
чулки бѣлы не мараютса,—
поцолую дожидаяса.
912. Мнѣ дѣвшуку не что не веселитъ.
Кромѣ милова не кто не
посидитъ.
Посидѣлъ милбѣй минуточку со
мною,—
вся компанія смѣялась надо
мной.
Говорили, что я, вольница,
поцолую ково хочетса.
913. Я на стулчикѣ сидѣла,—
слѣски кѣтятся.
Жениха мнѣ дадутъ,—
да не нравитса.
Создай, Боже, помолже,
по моей-то красотѣ,
чтобы водочки не кушалъ,
табаку бы не курилъ,
поцолуемъ бы дарилъ.
914. Я стояла у собора у дверей.
Полубилъ мнѣ и самъ-отъ
инхирей
Анхерейница с' ума сошла,
по собору танцовать пошла.
Танцовала по-легѣхоньку,
половала по-манѣшоньку.
915. Посѣю я грѣчи
у самою сѣчи *).
Моя грѣча не взошла
цѣловатца я пошла
(или: со другимъ гулять пошла).
916. Посѣю горошку—
по саму дорошку.
Мой горошиць не взошолъ,—
цѣловатца я пошолъ.
917. Я у печки сижу,
я заплатки плачѣю.
Всѣ заплатки заплатила,
цоловатса цоватила.
918. Чорная смородина
в' саду заморожена.
Ягода-изюмина—
цѣлаватса дюжина.
919. Чорную смородину
кто еѣ воруетъ,—
на тово ли мнѣ досадно,
кто милова цолуетъ.
920. Чорную сморѣдину
знаю, кто воруетъ.
Мнѣ досадно на тово,
кто друшка цолуетъ.
921. Чорныя гласки—очень хороши,
распрятно-милые для моей
души.
Чорныя гласки, можно васъ жа-
лѣтъ;
распрятно, милые, три расъ
цоловать.
922. Чорныя гласки—очень хороши,
чорныя-весѣлые для моей
души.
Бросте шалости, киньте в' одинъ
расъ,
я за эти шалости поцѣлую васъ.
923. Какъ у нашей душички
груди—какъ подушнички:
клады во згольвицо,
цолуй на здоровьицѣ.

*) Т. е. «у порубочка, у мѣса порубленнаго».

924. Вы, дѣвчушки, каки вѣжливые!
В'ришетѣ к'обѣднѣ вѣживали,
на роскѣтѣ роскатилися,
цоловатса торопилися.
925. На помадѣ волоса,—
ето Машина краса.
Кудеречки вьются,—
мальчики любуются,
в' дюжину цолуютса.
926. У насъ Маша-та—не хуже людей,
подбородочекъ до самыхъ
грудей,
Ой судароня, судароня моя,
поцолуй-ко ты пожалуйста
миня.
927. Я гуляла по сухому берешкѣ,
пошпинала зеленѡва пшавелю;
дарила я извошничку,
молодому перевошничку:
Ты извошникъ-перевосшникъ мо-
лодой,
проводи миня пожалуйста домой,
мой домъ недалѣко за рѣкой.
Какъ узнали всѣ ребятушка,
доложили родной матушкѣ.
Родна матушка не тихая была,
мнѣ потѣчички гулять не дала,
заставила калусту полоть.
Я поля, поля,—не полетса.
Поцолую, ково хочетса.
928. Горбуноскіе прикашнички
запустили ручки в'яшнички,
у хозяина часы унесли,
себѣ товару на два года за-
пасли,—
а тавару удивительнова.
Ой судароня, судароня моя,
поцолуй-ко ты пожалуйста миня.
930. У талычнскихъ ребятъ—
под' окошкѡмъ винограсть.
Кисти виноградные,
мальчишки ненаглядные.
Мы по висточкѣ сорвемъ,
цоловатса в' нимъ пойдемъ.
931. До мальчика до хорошинькова,
ой, сударь мой,—до васъ!
Беспокоить хотимъ васъ,
хотимъ васъ беспокоить
за нами походить,
за собою поводить.
Ково надобно тебѣ,
тово выбери себѣ.
932. Вселѣ садика гуляла молодѣ.
Из' за садиву шугѣла со-
ловья.
Она думала: Соловухекъ ле-
титъ,—
холостой мальчикъ ко дѣвуш-
кѣ бѣжить.
Родна маминька в' окошечко гле-
дитъ,
цоловатса мнѣ со милшемъ
велить.
933. Какъ у Саши в' огородѣ
выросла петрушка.
Кто Сашонку поцолуетъ,—
тому квасу в'рушка.
934. Ушѣ дѣвица румянѣ,
сачѣмъ любить Иванѣ.
—„Я за тѡ люблю Иванѣ,
что лицо ево румяно,
в' почкахъ—листочки,
в' гласкахъ—мителѣчки.
Аленькіе гупки— цоловалъ бы
сутки“.
935. У насъ дѣвушки—вертѣчки,—
ис' пот' тачки колѣсо.
За грошовую канфетку
и цолуютъ хорошо.
936. Поглядитѣ, дѣвчи, в'ясле:
в' ясляхъ два кота увязли.
Прибѣжали кошки,
выдергали кошки.
Двѣ минутки полежали,
цоловатса побѣжали.
937. Отчего ты, мальчикъ, бѣлъ?
—„На сметанѣ колотъ ѣлъ“.
Отчево, мальчикъ, большой?
—„Кущалъ кашницу с' ма-
шой“.
Отчего ты, мальчикъ, пѣленъ?
—„Подъ горой картошку
пѣкъ,
„свою милую стерѣкъ.
„Я милашку не видалъ,—
„цоловатса побѣжалъ“.
940. Шла старушка с' тово свѣту,—
не зубовъ, не носу нѣту.
А баскѣ, баскѣ, баскѣ,—
поцолуй-ко три раскѣ.
941. Ушѣ ты, дѣвушка,—люднѣ:
на кровати спишь одна.
Потихоньку дышишь,—
поцѣлую не услышишь.

942. У насъ Аннушка люднѣ,
на кроваткѣ спитъ одна.
Двѣ минутки пожелала,—
целоватса побѣжала.
943. Шоль мальчишко по дорожкѣ,
потерялъ двѣ папироски,
ещшо спичекъ коробккъ,—
поцолуй, душа, разокъ.
941. У капуски кочешовъ
любитъ поливанъицо.
Молоденькой паренѣтъ
любитъ цолованъицо.
943. Зелѣная бѹшомка
любитъ поливанъицо.
Молодирька дѣвушка
любитъ цолованъицо.
944. Погляди-ко-тѣ к' парогу,
нѣтъ ли лисова народу.
Я по лысинѣ хвачу,
цоловатса покачу.
945. Потихоньку топайтѣ,
поль не проломитѣ.
У насъ пог'поломъ вода.
Опустилъ гармонь туда.
Цоловатса не бѣда.
946. Сидитъ сбцкой на берѣзѣ,
а десяцкой—на елѣ.
—Мы не зря суда вопали,
„насъ дѣвчонки завели“.
947. Сидитъ соцкой на берѣзѣ,
а десяцкой—на елѣ,
„Мы не такъ суды понали,—
„насъ дѣвчонки завели,
„Насъ дѣвчонки завели,
„цѣловатса повели.
948. На поповомъ-то лугу
стойтъ кринка творогу.
Двѣ тетери прилетѣли,
поклѣвали—улетѣли,—
цоловатса захотѣли.
949. Погледите подѣ лохань:
кошка шила сарафанъ.
Она шила, гоношилъ,—
цоловатса поспѣшила.
950. Ой раки, раки, раки!
Рябятишки дураки!
Поиграйте в' дудочку,
поцолуйте дурочку.
951. За овиномъ стоить пень,
повернутса ему лѣнь,—
шея не ворбчатса,
цоловатса хочетса.
952. За овиномъ боронѣла,
сивка в' яму уронила.
Побѣжала за отцомъ,—
цѣловалася с' молотцомъ.
953. Погледите в' ясли:
два котѣ увязли:
Прибѣжали кошкѣ,
выдергами ножки.
Двѣ минутки пожелали,
цѣловатца побѣжали.
954. Потонули двѣ подушки во слезахъ,
цоловала я милова при че-
сахъ,
при кашмировой рубашничкѣ.
А кашмирь-отъ по рублю
такъ по рублю.
Ково знаю—полюблю—такъ
полюблю.
955. Какъ Толыгинскимъ ребятамъ
прижилось, прибылось, при-
богатилось.
Вы строили дома, дома каменные,
ис' хрустѣли потолокъ,—
Поцолуй, душа, разокъ.
956. На печкѣ сидитъ,
обуваецса, лежить,
рѣзвы ножиньки пот'корчилъ
бѣлы ручиньки поджалъ,
бѣлы ручиньки поджалъ,—
цоловатса побѣжалъ!
957. Какъ у дяди за дворомъ
кулѣйку ѣли с' творогомъ,—
сметаной помазана,
цоловать приказана.
958. Шоль мальчишка ис' Саратова,
выѣжалъ оратъ на матерѣ,
боронилъ на старомъ дѣдушкѣ,
поцолуютъ ево дѣвушки.
958. Шла дѣвчѣнка ис' татарской сло-
боды.
Еѣ шкура не годитса не
куды
еѣ шкуру и собаки не ѣдятъ,
а мальчишки поцолуютъ до-
рожать.
959. Ушь дѣвица высока,
тебя згубила красаота.
красота тебя згубила:
кавалера полюбила,
поцолуетъ подарила.

960. Изъ Рыспава шелъ старикъ,
нёсъ ребины четверикъ;
Онъ, рябины не дожравши,
надсадилса цѣловавши.

961. У парнишка деньги есь,—
можно разгулятса.
Деньги ваши будутъ наши,—
можно цоловатса.

962. Шла дѣвочка по дорожкѣ
потеряла двѣ серѣжки,
Два серебряны кольца,—
полуй, дѣвка, молоца.

967. Шла дѣвочка по полу,
на ней платъе до полу.
На подолѣ—сѣра вошь,—
пополуй, ково кошъ.

968. Пойду ли я по городу гулять,
пойду ли по Владимиру
опять.

Зайду ли я в' купцу в' лавочку,
куплю себѣ косыночку,
косыночку не кбсовую,
шиту-браную, не нбшеную,
подарю я своему милинькому.

Видно, милинькой не любить
и косынку не примааетъ отъ мина.
за косынку не полуетъ мина,

